

НОВОЕ ВРЕМЯ

Полковник
из «Аквариума»
на скамье
подсудимых

36

сентябрь 1992

Стоянка коммунистического

человека

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

компания
РУССКИЙ

ДОЯ

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ <i>А. Дубнов</i> УРОКИ ГРУЗИНСКОГО	4
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА <i>А. Зубов</i> СНГ – ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ РАЗВОД ИЛИ НОВЫЙ БРАК?	8
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» <i>У. Лакер</i> ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ, СИДЯ В РАКОВИНЕ?	11

МИР

ЮГОСЛАВИЯ <i>М. Шакина</i> КРИЗИС ПРЕОДОЛЕН. НО ПОКА ТОЛЬКО В ЛОНДОНЕ	14
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ <i>И. Руденко</i> ФЛАГ, КОТОРОГО МЫ БОИМСЯ	18
СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ <i>Б. Лысенко</i> ПОЛКОВНИК ИЗ «АКВАРИУМА» НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ	21
<i>В. Чернявский</i> «АРМЕЙСКОМУ РАЗВЕДЧИКУ ОШИБКИ ПРОСТИТЕЛЬНЫ»	21
<i>В. Никольский</i> «АКВАРИУМ» И ЛУБЯНКА: СОСЕДИ-СОПЕРНИКИ	22
РЕКЛАМНАЯ ВКЛАДКА	25–40
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>А. Полюхов</i> И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...	41
ЮАР <i>Н. Решетняк</i> ПОСЛЕДНЕЕ ЭХО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	42
СКАНДАЛ <i>А. Полюхов</i> СТАЛ ЛИ «ОТЕЦ НАЦИИ» ЕЩЕ РАЗ ПАПОЙ?	43

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА <i>К. Исаков</i> ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА	44
КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ	
<i>Ю. Рахаева</i> РОСТОВСКИЙ УБИЙЦА ЖДЕТ ПРИГОВОРА	48
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ЭПИСТОЛЯРИИ	52
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>В. Басков</i> МНЕ БЫЛО ОЗАРЕНИЕ	53
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>А. Потресов</i> ДОРОГА ЧЕРЕЗ АБСУРД	57
ПЕДАГОГИКА <i>Т. Чернова</i> «БУДЕШЬ ПЛОХО УЧИТЬСЯ – СТАНЕШЬ ОЛЕНЕВОДОМ»	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ганюшкин</i> АБРАКАДАБРЫ-8	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Кровопротитие в Абхазии – часть общегрузинской трагедии. Это государство разрушается изнутри
Стр. 4

Имя этой дамы связывается с первыми лицами КНДР
Стр. 43

Он убил 53 человека. Но его должны были отпустить за отсутствием улик. Он убивал бы и дальше, если бы случайно не встретился с психиатром
Стр. 48

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора.

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.

Тел. 229-88-72, 209-07-67

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU

Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Отпечатано в ИПК
«Московская правда»,
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

Регистрационное
свидетельство №970.

Тираж 100000.

Заказ №3046.

Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.

© «Новое время»

■ Учебно-воспитательный совет сотрудников Куряжской воспитательно-трудовой колонии и музея А.С.Макаренко на своем заседании обсудил опубликованный в журнале «Новое время» материал Л.Закирова «Страх перед коммунарами». (Видимо, имеется в виду письмо читателя, опубликованное в нашем журнале в разделе «Почта» под названием «Сопrotивления никто не оказал» (№24/92. – Ред.)

Эта статья является чудовищной ложью и служит беспричинному очернению воспитанников-коммунаров и их воспитателя, известного в мире педагога-гуманиста А.С.Макаренко.

Мы знаем воспитанников Макаренко, работавших в нашем учреждении. Все они добросовестно трудились, пользовались уважением товарищей по работе. Многие участники Великой Отечественной войны, никто из них не совершал преступлений и не привлекался к уголовной ответственности. Среди них есть квалифицированные рабочие, руководители предприятий, учителя, врачи, инженеры, юристы, художники, артисты. Как же можно их оскорблять, уни-

жать, выставлять уголовниками, режущими людей?!

Члены учебно-воспитательного совета Куряжской воспитательно-трудовой колонии ознакомились с заявлением воспитанников А.С.Макаренко возбудить дело против Л.Закирова в народном суде за клевету как на воспитанников А.С.Макаренко, так и на известного в мире педагога-гуманиста А.С.Макаренко. В случае отказа опубликовать опровержение считаем необходимым обратиться в народный суд с целью защиты чести и достоинства А.С.Макаренко и его воспитанников.

Ф. Муратов,

директор Куряжского музея
А.С.Макаренко, член Харьковской
ассоциации А.Макаренко

■ Обращаюсь к вам с огромной просьбой: расскажите о пластических операциях, которые способна производить медицина. О том, возможно ли изменить форму лица. Считаю, что подобные операции должны полностью изменять облик человека, его принадлежность к какой-либо расе, убирать все недостатки в форме, размерах, пропорциях черепа. Имея та-

кую возможность, человек становится более свободным, не так ли?

Можно ли купить красоту за деньги? Причем не просто мелкие исправления носа, ушей и ягодиц, а глобальное изменение внешности, переход из одной расы в другую.

Люблю ваш журнал и напишу на следующий год.

Олег Ким
Джамбул

■ Высылаю вам вырезку из нашей районной газеты «Родник» – вот такой вот «плюрализм». Прочитала в ней интервью с Жириновским и стало стыдно за нашу газету. Мне уже 71 год, но помню выступления Жириновского, когда он рвался в президенты. Сейчас он разъезжает по городам и весям. Многие из того, что он пишет, вызывает чувство тревоги.

«– Почему вы поддержали государственных преступников в августе 91-го?»

– Я не поддержал их, а просто дал оценку событию. Программа у них была хорошая: стабилизация, борьба с преступностью, сохранение территориальной целостности. Разве это плохо? Ну не приняли эту программу, и что получили? Нет страны, нет

Я сидел рядом с Зорге

Рихард Зорге в Японии

■ 48 лет назад Рихард Зорге был повешен в тюрьме Сугамо в Токио. Даже и после казни мы, иностранные корреспонденты, работавшие одновременно с ним в Японии, продолжали считать его не советским шпионом, а нацистским фанатиком и немецким националистом.

Корреспонденты из стран, противостоявших Германии, не любили «нациста» Зорге. Он тоже держался в стороне от нас и открыто мерзко относился к одному корреспонденту-еврею.

Я приехал в Японию в 1940 году из США в качестве корреспондента «Интернэшнл ньюс сервис». У холостого журналиста в решающее лето 1941-го в Токио было не так уж много возможностей развлечься, кроме как выпить пива в одном-двух винных погребах, содержащихся немцами.

Корреспонденты стран-союзников предпочитали ресторан Ломейера, корреспонденты стран оси – бар-ресторан Кеттле, который во время первой мировой войны командовал подводной лодкой.

Австралиец Ричард Хьюз, ставший впоследствии очень известным журналистом, однажды набравшись у Ломейера, ввалился к Кеттлю. Эта эскапада закончилась для него дракой с Рихардом Зорге. После этого корреспонденты из разных лагерей старательно избегали друг друга.

Мы знали, что Зорге был очень близок с немецким послом генералом Оттом. Это был благопристойный и старомодный прусский офицер, который не вступил в нацистскую партию и потому чувствовал себя достаточно одиноко среди собственных подчиненных в посольстве. Рихард Зорге был тем человеком, с которым Отт мог быть не чопорным.

Зачем Закиров поднял руку на Макаренко?

Сделай пластическую операцию и обрети свободу!

Жириновский: за три месяца я успею убрать всех...

экономики, растет преступность. А то, что у них получился полужарс — это их беда. Им подчинялась армия, милиция, КГБ — и они ничего не смогли! А я бы смог. И вообще давно пора менять узников «Матросской тишины». Нынешние правители гораздо больше совершили преступлений перед народом.

— Известно предсказание астролога: «Если господин Жириновский придет к власти, то продержится только три месяца». Как вы относитесь к этому прогнозу и вообще к астрологии?

— К астрологии отношусь отрицательно, но, если есть прогноз, отвечаю: за три месяца я успею убрать всех тех, кто мешает вам жить».

А вот каким комментарием сопроводила газета это ин-

тервью: «Жириновский встретился с раменцами в ДК «Орбита» и имел большой успех. К сожалению, в газетной публикации невозможно передать сценический образ героя, его неповторимые интонации, мимику — и это значительно обедняет впечатление... Конечно, программа ЛДП имеет свои слабости, как и большинство прочих, но у этой партии есть большое преимущество над другими — личность руководителя. Яркая личность притягивает взоры... Стало расхожим приемом обвинять Жириновского в фашизме и сравнивать с Гитлером. Думается, встреча в «Орбите» позволила... сбросить навешенный ярлык».

В.Архангельская
Раменское,
Московская область

■ В этом году я не смогла выписать газеты и журналы на второе полугодие. У нас нет ни телевизора, ни радио, я не работаю, сижу дома. Прошу вас — освещайте глубже жизнь нашей страны, особенно экономическую ее сторону, ведь информацию я могу получать только из «НВ» — журнал выписала на весь год. Хочется видеть и в каждом номере статьи Т.Ивановой.

Наталья Бир
Хабаровский край

■ Пишу только потому, что слишком уважаю ваш жур-

По утрам их часто видели катающимися на лошадях в парке, неподалеку от германского посольства. Это была, видимо, лучшая возможность для Зорге узнать все секретные новости, поступавшие из Берлина только для сведения посла.

Летом 1941 года Зорге отмечал в ресторане у Кеттля все победы немецкого оружия в России. Ну а в ресторане Ломейера вместе с нами проклинал немцев ближайший помощник Зорге (о чем мы, естественно, не знали) Бранко де Вукелич, югославский патриот и корреспондент французского информационного агентства Гавас.

В последний раз я видел Зорге на пресс-конференции — они устраивались тогда в старом императорском театре. Я сидел рядом с ним. Зорге было за сорок, мне только исполнилось 23 года. Я уважительно обратился к нему: «Господин доктор, если вы не собираетесь класть сахар себе, не передадите ли сахарницу мне?»

Выдающийся разведчик XX столетия был великодушен: «Мальчик растет, и ему нужны калории».

Однажды в октябре место рядом со мной осталось пустым. Не появившись на пресс-конференции и мой близкий друг Бранко де Вукелич. Никого из нас не интересовала судьба Зорге, но сразу после пресс-конференции мы позвонили жене Вукелича, чтобы узнать, что с ним произошло. Она сказала: «Его забрали». Больше мы их не видели.

Бранко де Вукелич в тюрьме заболел и умер. Зорге оказался сильнее и был повешен в 1944-м. Он мужественно встретил смерть.

Том Крайтон, американский журналист

Рисунок Аркадия Гурского

нал. Поэтому, когда в заметке Л.Долгачевой «Что бы ни говорил Троцкий» (№29/92) читаешь слово «блестали», за журнал обидно (кому за державу, а мне за журнал). Или под фотографией А.Макарова — «КПСС сделал»...

Для газеты «День» это нормально. Но вам не к лицу.

Н.Туева
Иркутск

■ Хорошо известно, что когда трудно, ищут виновных. Долгое время, когда «народ и партия были едины», наши трудности объясняли происками американского империализма, германского реваншизма и, конечно же, международного сионизма, да еще подрывной деятельностью жалкой кучки диссидентов-отщепенцев, продавшихся Западу за чечевичную похлебку.

Сегодня нам вновь трудно, и вновь ищут виновных. Раньше истинные виновники наших бед (партноменклатура) сами направляли гнев людей, а сегодня каждый находит себе врага по желанию и свой выбор всегда может обосновать статьями из

газет соответствующего направления.

Неокоммунисты и сомкнувшиеся с ними национал-патриоты, до одури читающие «День» и «Советскую Россию», не пропускающие «600 секунд», убеждены: враги — это Горбачев, Ельцин, демократы и евреи.

Для фашизма характерны нетерпимость к иному мнению, ненависть к либеральной интеллигенции, демократии, инородцам, тоска по сильной руке, готовность применить насилие. Все эти качества в полной мере проявили пикетчики «Останкино». Их лозунги, высказывания не оставляют сомнения: перед нами фашисты, рвущиеся к власти. А власти проявляют удивительную беспечность и беспомощность. С телеэкранов, с митинговых трибун, со страниц газет и идут призывы к свержению законной власти, к межнациональной розни. И никто не привлечен к уголовной ответственности! Безнаказанность опасна.

Юрий Лукьянов,
Владимир Лукьянов,
Санкт-Петербург

Подборку подготовила Т.Чернова

Уроки грузинского

В западной Грузии женщины и мужчины в свежем трауре: на груди портреты погибших детей и мужей

Аркадий Дубнов

Абхазская война, возможно, свидетельствует о том, что Грузия вступает в стадию саморазрушения.

Какие бы решения ни принимал парламент в Сухуми, сколь ни были бы остры противоречия между абхазскими и грузинскими политиками, в военной операции нужды не было. И если даже Эдуард Шеварднадзе не находит иного выхода, кроме как двинуть в Абхазию войска, или не может этому противодействовать, значит, вся внутренняя политика в Грузии заменяется военной политикой.

Война с осетинами и война с абхазами

**Звиад
Гамсахурдиа и
Эдуард
Шеварднадзе
отвечают на
вопросы
специального
корреспондента
«Нового
времени»**

проходит на фоне главной войны, которую грузины ведут между собой. Грузия поразительным образом от коммунистического правления вернулась к военно-феодалному. Республика оказалась во власти множества вооруженных отрядов, которые занимаются не только политикой, но и чистым разбоем. Кризис всей системы управления отдал Грузию во власть воюющих кланов.

Понять происходящее сейчас в Абхазии можно лишь в контексте общегрузинской трагедии.

Особняк для Гамсахурдиа

Из западной Грузии я возвращался в Москву сложным путем — через Сухуми, Минеральные Воды, Кабардино-Балкарию,

Северную Осетию и Грозный. В столице Чечни меня ждала встреча с грузинским президентом в изгнании. Попасть к нему было не очень сложно, надо было только найти людей, знающих к нему дорогу. Точнее, могущих к нему провести. Дорога же к Звиаду Гамсахурдиа ни для кого в Грозном не секрет: он живет почти в центре города, в бывшей резиденции для гостей бывшего обкома партии. Так что, усаживая нас в машину, никто не завязывал нам глаза черной тряпкой (моими спутниками в поездке по Грузии оказались встреченные мною в Тбилиси трое французских юристов из комиссии по правам человека европейского молодежного союза).

Пребывание Гамсахурдиа в Грозном, надо сказать, воодушевляет не всех его жителей. Я слышал полярные мнения, но в основном отношение к гостеприимству, которое оказал Джохар Дудаев опальному президенту, негативное. Многим кажется, что Чечне не нужны дополнительные осложнения в отношениях и с Грузией, и с Россией... «Вот если бы Гамсахурдиа, — говорили мне, — был бы частным лицом, как, например, Горбачев, тогда, пожалуйста, со всей кавказской теплотой...»

Тем не менее у входа в резиденцию нет ни бронетранспортеров, ни мешков с песком. Открываются ворота и перед тобой в глубине небольшого двора двухэтажный особняк красного кирпича. В Москве такие особняки занимают посольства развивающихся стран.

Во дворе одна-две машины и несколько вооруженных охранников. По маршевой лестнице поднимаемся наверх и поворачиваем в боковую залу: здесь кабинет Гамсахурдиа. Кабинет как кабинет: стол, заваленный бумагами и газетами. В глаза бросается экземпляр «Нового времени», открытый на статье «Что делать армии, когда кругом идет война?» — о войне в Карабахе, 21-й номер, в статье обильные отметки от руки. «Солидный журнал», — скажет потом Гамсахурдиа, когда я представлюсь.

— Как вы относитесь к тому, что Грузию приняли в ООН?

— Это лишний раз доказывает, что ООН не имеет ничего общего ни с демократией, ни с правами человека, ни со справедливостью. Заявленные в Уставе ООН неприятие террора и насилия — все это оказалось пустыми речами. ООН доказала, что идет против своих принципов, приняв в свои ряды без всяких оговорок преступную хунту, пришедшую к власти в результате кровавого насилия, свергнувшую законную власть. Разбой, таким образом, прикрыт международным правом. Это еще раз подтверждает, что ООН всегда была просоветской организацией, инициатива создания которой принадлежала Сталину.

— Как вы считаете, когда началось ухудшение ваших отношений с Москвой?

— С первого же дня, как только меня избрали председателем Верховного Совета Грузии. Сразу же началась война против меня. Отряды «Мхедриони» получили задание и стали нападать на милицию, отнимать оружие, грабить, готовиться к войне...

Потом организовали блокаду республики, ввели войска в так называемую Южную Осетию, развязали там настоящую войну. Мне звонил Горбачев, спрашивал: «Будешь подписывать Союзный договор?» Я говорю: «Нет». — «Тогда у тебя будут проблемы с Южной Осетией», — сказал Горбачев. Ни одного дня не было без войны, вплоть до начала обстрелов парламента...

— Вы сознательно проводили политику самоизоляции?

— Государство не может жить на чужие кредиты, на подачки. Государство должно быть дееспособным. Что касается самоизоляции, то это Москва нас изолировала. С первых же дней объявления независимости началась пропагандистская кампания с целью отгородить нас от всего мира. В первую очередь это делал Шеварднадзе, у которого огромные связи в мире. А про меня распускали слухи, что я занимаюсь самоизоляцией...

Горбачев звонил из Москвы, говорил, какое вы право имеете объявлять независимость, создавать свои структуры, без нашего ведома сменять руководителей КГБ, МВД и прочее. Они хотели, чтобы Грузия оставалась частью Советского Союза, а мы хотели независимости. Когда у них ничего не получилось — начались военные действия.

— Ваше отношение к предстоящим осенью в Грузии выборам?

— Выборы, назначенные нелегитимным органом, Госсоветом, не могут быть законными.

— Какой же выход?

— Только отставка хунты, другого выхода нет. Половина населения все равно не придет на эти выборы.

— А если Госсовет не подаст в отставку?

— Тогда народ их сам сметет.
— Но это гражданская война, и уже не сотни жертв, как сегодня, а тысячи. Вас это не страшит?

— Но я ничего не могу поделать. Госсовет — это сброд преступников, криминальная интеллигенция, отщепенцы общества... Госсовету никто не подчиняется, реальная власть принадлежит только Иоселиани и Китовани. Спасти Грузию может только самозащита народа.

— Если бы вам предоставилась вдруг возможность начать все сначала, смогли бы вы избежать сделанных вами ошибок?

— При чем тут ошибки? Их может сделать каждый на моем месте. Но мне же постоянно мешали...

«Мы бы с ним сами разобрались...»

«Дело не в Гамсахурдиа. Главное — соблюдение законности, уважение к выбору народа. За президента голосовало 87 процентов участвовавших в выборах. Теперь мы знаем, что такое мировая мафия, масоны... Наш президент знал еще в молодости, какие силы управляют миром, но не говорил об этом, даже когда стал президентом. Мы сами должны были это понять, дойти до этого. Для них, масонов, важно только гражданство, а национальность, своя земля не важны... Что скажет эта проститутка Запад — важно для Шеварднадзе, а нам уже не важно. Запад молчал в 1956 году, когда Москва расстреливала демонстрации в Тбилиси, он молчал, когда мы голосовали за независимость и за Гамсахурдиа... Такой де-

«Победители» просили Эдуарда Шеварднадзе «помочь вернуть демократию» в Грузии
Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

мократии, как при Гамсахурдиа, никогда не было в мире... Он открыл нам глаза. Если бы нам дали возможность самим во всем разобраться... Но нам мешают не только бывшая империя, но и весь мир».

Это говорила молодая женщина, Марина Качарава, до конца прошлого года политиком не занимавшаяся. Она была начальником метеостанции «Крестовский перевал». Но уже прошлым летом нападения вооруженных формирований на станцию участились, ее обвинили в противодействии законным властям, поскольку она «перекрывала стратегическую дорогу», завели против нее уголовное дело и уволили. В сентябре, во время попытки путча против президента, Марина Качарава обнаружила, что противогрозные орудия метеостанции оказались в руках путчистов и использовались не по назначению. Она пыталась жаловаться, настаивала на судебном расследовании, но тщетно... Когда к власти пришел Госсовет, ей предъявили обвинение в пособничестве Гамсахурдиа... Так она стала «звонисткой».

Внешне Тбилиси уже не напоминал фронтной город, хотя по ночам еще действовал комендантский час (начало августа). Не было, правда, обычного для города оживления на улицах, хотя на привычном месте,

на ступеньках почтамта, торговали своими картинами свободные художники, а рядышком на углу сидели на корточках с «калашниковыми» на коленях молодые люди в полувоенном обмундировании: охраняли вход в здание Госсовета.

Очереди были заметны только в нескольких местах, там где «давали» подсолнечное масло и в сберкассах: было объявлено о двухкратной индексации вкладов, и люди спешили сдавать деньги.

О событиях декабря-января напоминала только та часть проспекта Руставели, что примыкает к Дому правительства: разрушенные дома, обугленные и пустые глазницы окон, следы снарядов и пуль на фасадах... Кое-где видны строители. Люди насторожены. Если и вступают в беседу, отвечают уклончиво... К будущему относятся без оптимизма, этого, во всяком случае, не скрывают. На вопрос, как относятся к дню нынешнему, отвечают также вопросом: «А как в Москве относятся?» Потом роняют: «Да, может и удасть Шеварднадзе что-то сделать, посмотрим...» Другие только ухмыляются с разными оттенками, от кислого до мрачного, и отходят.

Один из самых смелых собеседников, оказавшийся со мной за одним столиком в ресторане «Пески», куда я зашел пообедать, спросил: «А вы за кого там у себя голосовали, за Ельцина?» — «Да». — «Вы им сегодня довольны?» — «Не всегда». — «Ну а если бы у вас там Жириновский, или не знаю кто, решил с ним разобратся, собрал бы своих людей и стал бы стрелять по Белому дому?» — «По Кремлю, он там сидит». — «Ну по Кремлю. Как бы вы к этому отнеслись?» — «Плохо». — «Ну а что тогда нас спрашиваете? Вы знаете, сколько за Гамсахурдиа голосовало? 87 процентов! Он, конечно, много чего напорол, ну так мы бы ему сами через некоторое время сказали: слушай, Звиад, что-то не получается у тебя, уступи, дорогой, другому место. А тут из пушек... и говорят, мол, народное восстание...»

Грузия помнит «разного» Шеварднадзе

В Грузии отношение к Шеварднадзе одновременно и сложнее, и проще, чем в Москве. Там помнят «разного» Ше-

варднадзе, как в «грузинский» период его деятельности, так и в «московский».

«Шеварднадзе лидирует в опросах общественного мнения как самый популярный политик», — сообщали московские газеты накануне его возвращения в Грузию. Даже в Москве в это слабо верилось...

«Конечно, — слышал я, — для вас это человек, разрушивший бескровно берлинскую стену, способствовавший окончанию «холодной войны», в конце концов драматически предупредивший о правом заговоре... А мы его знали задолго до 1985 года, когда его позвал в Москву Горбачев. У нас он много лет был первым секретарем, а до этого министром внутренних дел. Начиная он дерзко, взял за мафию, боролся с коррупцией. Да, им была «обласкана» творческая интеллигенция, она была «витриной» его режима, казавшегося вам либеральным. Но тут же стала возникать новая мафия, новая номенклатура... Не забыли у нас и «самолетное дело» 1983 года, когда за попытку угона самолета были расстреляны двое молодых грузин».

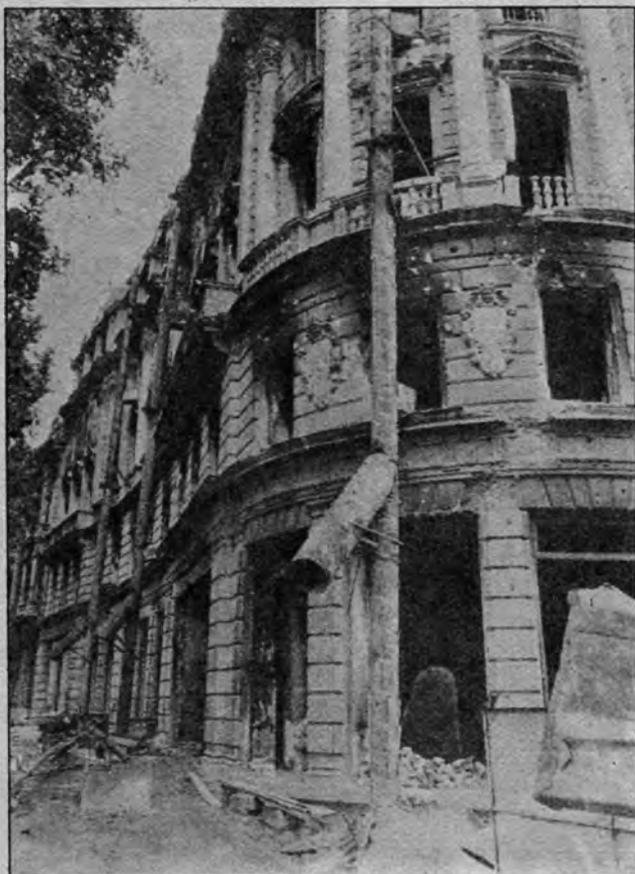
«Шеварднадзе вернулся сюда, чтобы помочь вернуть демократию, — говорили мои собеседники в Тбилиси. — Но неужели он не знал, кому он приехал помогать? Ведь нашим «победителям» он нужен был, чтобы прикрыть все, что они натворили здесь. Что писали ваши московские газеты о расстрелах митингов, которые происходили уже с конца декабря в поддержку Гамсахурдиа в Тбилиси, Поти, Зугдиди? «Звонистские бандиты» стреляли, по-вашему? Что же их не поймали и не показали нам? Да потому что это были наркоманы и уголовники из «Мхедриони», которыми командует Иоселиани, ставший теперь первым заместителем Шеварднадзе...»

«Численность наркоманов у нас, в Грузии, нужно определить, как минимум в 10 тысяч человек... Наше счастье, что моральная деградация весьма редка среди наших наркоманов... У нас все совершенно наоборот: каждому известно, что многие большие участвовали в боях за защиту великих идеалов Родины. Это редкое явление и дает надежды». Из выступления нынешнего министра здравоохранения Грузии.)

«Я должен был вернуться...»

Вот оценка ситуации, данная Эдуардом Шеварднадзе, с которым мне удалось встретиться в Тбилиси 1 августа.

— Сейчас я смелее могу сказать, что мы добьемся стабилизации. Лучшая часть общества проникнута чувством ответственности, консолидировалась, сейчас больше здоровых сил, выступающих за демократический путь развития. Идет активная подготовка к выбо-

Проспект Руставели: еще зияют пустые глазницы окон

рам, в Цхинвальском регионе ситуация изменилась к лучшему, но есть проблемы в других местах, в западной Грузии. Но мы знаем как их лечить...

— Выборы назначены на 11 октября. Когда окончательно выяснится схема их проведения?

— Сейчас мы решили ее упростить, но еще обсуждаем это. Думаю, что в 150 округах будут выборы по партийным спискам. И еще одного депутата выберут в каждом из 84 районов. Там могут баллотироваться независимые кандидаты. Всего 234 депутата. То есть каждый может голосовать дважды: за какую-то партию и за представителя своего района.

— Странники Гамсахурдиа говорят, что, если на выборы не придет большинство населения, все равно вами выборы будут признаны действительными.

— Я не знаю, сколько придет, сколько не придет... Мы пока не ставим потолок — больше половины или меньше. Например, в Штатах не всегда участвует большинство... Но я убежден, процентов 60, как минимум, придет на выборы, особенно после введения института представителей районов.

— У меня сложилось ощущение, что люди в Тбилиси запуганы событиями последних месяцев, преследованиями, арестами без санкции прокурора. Мне рассказывают о пытках, издевательствах из первых уст. Люди боятся неосторожного разговора по телефону, ночного стука в дверь...

— Люди напуганы сложной криминальной ситуацией: похищения, вымогательства, диверсии. Хотели убить заместителя председателя Госсовета, устроили взрыв — погибли невинные люди. Мы стараемся быть честными, откровенными, вести диалог с кем угодно, где угодно. Среди них есть те, кто активно поддерживает президента... Я хочу сказать: давайте забудем о старом, о том, что было при бывшем президенте, при коммунистах. Начнем все сначала. Выпустим всех, пойдем на это, но, я уверен, там тоже есть экстремисты. Человек, который взрывает мосты, на каком языке с ним разговаривать?

— Вы знаете об отношении к вам в Москве, и раньше, и сейчас... И сегодня многие поражены тем, что происходит в Грузии — уже при вас.

— Вы учтите, был здесь переворот. Не приехать я не мог, не имел права, здесь могло случиться самое страшное, непоправимое — гражданская война. Я думал, и не без основания, что мое появление может предотвратить национальную трагедию. И действительно, не мне одному — нам удалось кое-что в этом отношении сделать. Я не хотел участвовать в переворотах... Я никогда не употребляю слово «наши враги». Нет врагов — есть оппоненты, вот это слово я употребляю в отношении Гамсахурдиа и других. С оппонентами надо работать. Не у всех это получается. У тех, кто сидел в тюрьме и вышел и совершил этот переворот, — у них совершенно другое отношение... Поэтому требуется время, чтобы лечить и этих и

тех. И дело не в том, что я сейчас выйду на улицы и скажу: братья, вы все свободны, и будем обниматься...

— Вы не жалеете, что вернулись?

— Нет, ни в коем случае! Конечно, я говорил уже, умный политик бы не вернулся, если он думал о своей судьбе, то не имел права вернуться. Может быть, это был бы полный крах, может, физически опасно... Но я должен был пойти на это. Наоборот, я сказал бы сейчас, что я человек счастливый, я знаю: то, что я делаю, нужно народу.

Непримиримость западной Грузии

Шеварднадзе справедливо видит выход в национальном примирении. С этим он отправился в конце июля в западную Грузию. Шаг благородный и смелый, но пока оказавшийся безуспешным. Он встретил там отчаянную непримиримость. Могло ли быть иначе, если он олицетворял для женщин и мужчин, в свежем трауре носящих на груди портреты погибших мужей и детей, ту власть, от имени которой люди «Мхедриони» их убивали. А виновные не наказаны... В состоянии ли Шеварднадзе изменить что-либо?

Пожалуй, это основная проблема.

...Перед поездкой Шеварднадзе на запад Грузии в тбилисской телепрограмме «Ибервизия» выступил его первый заместитель Джаба Иоселиани. Диалог с мегрелами, значительная часть которых продолжает поддерживать Гамсахурдиа, казался ему излишним. «О чем с ними можно говорить, — сказал он, — их всех нужно истребить и заселить эту землю другими».

Ввод боевых отрядов Иоселиани в западную Грузию сопровождался всеми прелестями оккупации: грабили дома, опустошались магазины, разорялись базары, отнимались машины. Пытавшихся оказывать сопротивление пристреливали на месте. Измывались уже над трупами. Родственникам так просто трупы не отдавали: требовали от 10 до 40 тысяч рублей выкупа. 13-летний мальчишка, коверкая русские слова, в основном жестами, объяснил мне, как он вместе с пацанами ночью украл из церкви изуродованное тело своего отца.

Стреляли из машин на улицах просто по случайным прохожим. В Зугдиди так были убиты 25 фев-

Странники Гамсахурдиа в Сухуми еще недавно не преследовали

раля 55-летний Шония Энуке, а спустя несколько минут из той же машины 29-летний архитектор Гоча Джикия. Последнее убийство получило широкую огласку, оно произошло при множестве свидетелей, мать Гочи пыталась заслонить сына своим телом. Пришлось возбудить уголовное дело — родители не сходили с места 10 дней. Оно до сих пор не окончено.

То, что произошло в доме убитого позже, могло случиться только в Грузии. Были взяты в плен отрядами местного сопротивления командиры национальной гвардии, верной Госсовету, — Каркашвили и Кутателадзе. Ничего им не рассказывая, их привели в этот дом. Родители Гочи и его вдова накрыли им стол, подали обильное грузинское угощение, постелили на ночь постель... Наутро им объяснили, в чем доме, на чьей постели они провели ночь. И отпустили с миром.

Нужно ли рассказывать подробности других историй? В западной Грузии только с января по июль погибло 184 человека.

К этой цифре надо добавить еще несколько десятков убитых в Абхазии.

ТБИЛИСИ—СУХУМИ—
ЗУГДИДИ—ГРОЗНЫЙ—МОСКВА

Фото автора

СНГ — цивилизованный развод или новый брак?

На вопросы «НВ» отвечает политолог, специалист по международным отношениям **Андрей ЗУБОВ**.

«Новое время». Что, на ваш взгляд, произойдет в ближайшее время с СНГ?

Андрей Zubov. Ситуацию с Содружеством можно понять лишь в общем контексте процессов распада на территории бывшего СССР. После событий августа прошлого года ускоренный развал Союза был вызван в первую очередь тем, что сохранившаяся в республиках партийная элита не хотела идти вместе с Ельциным, с демократической Россией. Старый уклад спасал себя. Конечно, дело не сводилось лишь к спекуляциям правящих кругов, во многом такое решение отражало и волю населения. Пример тому — декабрьский референдум на Украине. Подавляющее большинство населения высказались за независимость. Но тут же эти люди прого-

лосовали на президентских выборах не за человека, жизнь положившего на отстаивание украинской национальной идеи (я имею в виду Чорновола), а за умеренного аппаратчика Кравчука.

Но прошедшие месяцы показали: разрыв экономических связей с Россией не спасение. Население начинает задумываться о том, какие выгоды оно получило от независимости. Вот в этой ситуации проблема Содружества обретает новый смысл. СНГ, как мне думается, уже пережило низшую точку своего распада, и сейчас вырисовывается новая тенденция — тенденция воссоединения.

«НВ». Вы можете назвать реальные признаки?

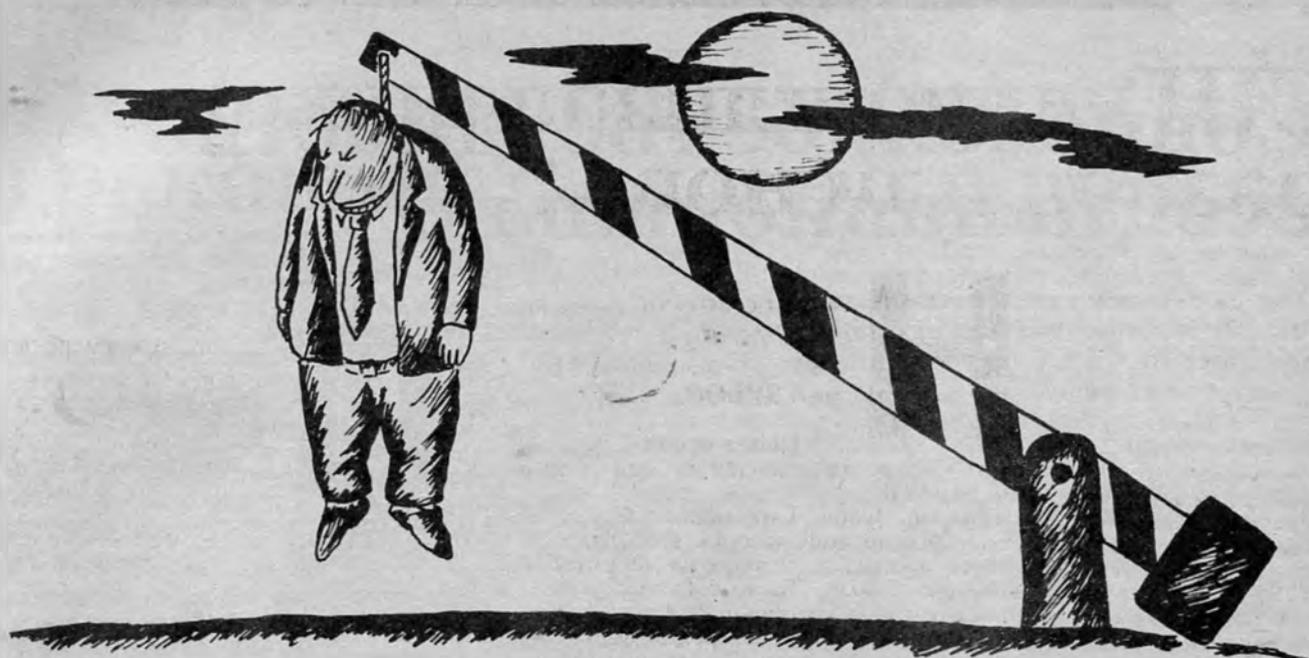
А.З. Пока экономика была единой, на волне национального противостояния к власти приходили крайние популистские силы. Сегодня, при столкновении с реальностью, с довольно-таки незавидным независимым «бытием», популисты практически повсюду уступают место прагматикам. У нас это союз «Обновление», более умеренный и заземленный, чем «Демократическая Россия». На Украине все более популярна «Партия новой Украины», выступающая за единые хозяйственные отношения в рамках СНГ: В Молдове — Аграрно-промышленный союз, основу которого составляют трезвомыслящие хозяйственники. Госсовет Грузии решает сейчас сугубо прагматические задачи: привести в чувство голодную, разрушающуюся, дичающую страну.

Прибалтика. Состояние экономики трех республик совсем не блестяще. Недавно там произошел новый скачок цен, уровень жизни продолжает падать. Долг в торговле с Россией составляет у Эстонии около 3 миллиардов рублей, у Литвы — 2,8 миллиарда. Россия прекращает авансовые кредиты на поставки нефти. Продукцию легкой промышленности, которую могут предложить нам эти республики, России даже выгоднее покупать в других странах — качество выше, а цены те же.

Нынешнее руководство прибалтийских республик зарекомендовало себя как в значительной степени антироссийское. Чтобы наладить отношения с Россией, — а в этом состоит объективная необходимость для этих республик, — там нужны другие люди и, скорее всего, они придут. Недаром в Эстонии, например, растет популярность ушедшего в отставку правительства Сависаара.

Этническая государственность в бывшем СССР — абсурд, рано или поздно здесь все равно возникнет федерация — считает наш собеседник

Не исключено, что он вернется к власти.

Прагматики — те, кто делает ставку в первую очередь на обеспечение условий жизни людей, а не на хлесткий лозунг, — заинтересованы в сохранении хозяйственных связей и, следовательно, все того же единого экономического пространства.

«НВ». Значит, СНГ возродится как форма экономического сотрудничества?

А.З. Это, может быть, первоочередной стимул, но не единственный. Дело в том, что народы Союза — хорошо это или плохо — привыкли жить вместе. И первый опыт раздельного существования многих не удовлетворил. Пролилась кровь. Всюду ухудшились условия жизни. Поэтому возникает сомнение: готовы ли народные массы жертвовать своим благополучием ради образования на родном языке, ради национальной культуры? Возможно, кое-где и готовы, хотя далеко не везде. Но ведь на сегодняшний день так вопрос и не ставится. Никто не собирается отнимать у украинцев, белорусов, у кого бы то ни было ни язык, ни культуру. Таким образом отпадает один из основных аргументов противостояния.

«НВ». Но ведь желание получить образование на родном языке, развивать национальную культуру — не главный мотив в национальной идее. Кстати, и до перестройки такую возможность имели те же прибалтийские народы. Сейчас важнее другое — стремление доминировать на своей исторической родине. Как быть с этими чувствами?

А.З. Эти чувства понятны после десятилетий, в течение которых с народами обращались как с «млад-

братьями». Но на принципах доминирования одной нации государство построить невозможно. Уже сегодня видно, что за это республикам приходится платить слишком высокую цену: падение жизненного уровня, разруха, государственный распад, кровавые конфликты.

Мне кажется, что прошедший трудный год показал, что государства бывшего Союза существовали вместе не потому, что чья-то злая воля собрала в один мешок то, что плохо лежит. Это объединение имело достаточно органичную природу.

Произошла колоссальная этническая диффузия. Речь не только о 60 миллионах, проживающих за пределами «своих» республик. Нельзя забывать, что в 1979 году, к примеру, каждый седьмой брак был межнациональным. То есть сформирован многочисленный слой людей, в жилах которых течет кровь нескольких народов, к какой бы национальности они себя ни причисляли. И потому становление этнической государственности в таких условиях — абсурд. Это понимают и реальный политик Назарбаев в Казахстане, и реальный политик Кравчук на Украине.

«НВ». Возвращаемся в Союз?

А.З. Этого никогда не будет. Тот союз рухнул окончательно, поскольку исчезло основание, на котором он стоял. Он отравил сознание людей, оттолкнул их друг от друга на годы. Возможно, на десятилетия. Но объективная необходимость сильнее всех сложившихся предрасположений, и она заставит преодолеть комплекс отчуждения. И тогда обнаружится какая-то новая форма государственного соединения.

Я думаю, что процесс этот не минует ни одну из республик бывшего Союза, включая балтийские. Переживаемая ими сейчас драма связана с тем, что они стремятся стать Европой, а ведут себя совершенно не европейски, прежде всего по отношению к своим национальным меньшинствам. Если они сумеют решить эту проблему и инкорпорировать в себя русское население, то волей-неволей у них тоже появится сила, тяготеющая к России, к единству. Если нет, то, боюсь, Прибалтика (я имею в виду в первую очередь Эстонию и Латвию, в Литве ситуация иная) станет зоной следующего конфликта. Апартеид нигде не кончается мирно.

«НВ». Вы считаете, что мы сможем миновать в своем развитии стадию этнической государственности?

А.З. Дело в том, что стадию этнической государственности мы в значительной степени пережили, но не реально, а в сознании. Подъем национализма в России после второго польского восстания (1861—1863 годы) был практически синхронен аналогичному подъему во всей остальной Европе. А к 1905 году мы имели дело с мощными национальными движениями — и русским, и в Прибалтике, и в Польше, и на Украине, и в Закавказье. Тюркское движение возглавлялось татарами, крымскими и казанскими. И в феврале 1917 года все «окраины» от Ташкента до Минска признавали Временное правительство с условием: мы — за федерацию. В какой-то мере квазинациональная государственность существовала и при большевиках. Все же украинец знал, что живет на Украине, а не на окраине империи. Выходили книги,

Современное государство всегда национально

Откуда берется тяга к национальной государственности? Как эту идею можно приспособить к XX веку и бывшему Советскому Союзу?

Яков Бергер

Естественный процесс образования национальных государств на территории СССР был заморожен после Октябрьской революции, а в Восточной и Центральной Европе — после второй мировой войны в результате советской оккупации.

Сегодня народы возвращаются к той стадии становления этнической государственности, с которой естественный ход развития был прерван. Конечно, СССР объединял народы, стоящие на различных ступенях развития. В том числе неодинаковы уровни этнического самосозна-

ния. Поэтому судьбы новых государств и их взаимоотношения будут складываться по-разному. Однако даже страны, имевшие пусть недолгий исторический опыт национальной государственности (Эстония, Латвия), сегодня обращаются к национальной идее в ее худшем, этноцентрическом варианте.

Реализация национальной идеи в чистом виде приведет к затяжным и кровопролитным войнам, подобным тем, что сопровождали в свое время становление национальных государств в Европе. Выход — в преодолении чисто нацио-

нальной идеи, но не путем ее игнорирования, а путем сплава ее с наднациональными ценностями. Без этого сплава, на одних наднациональных идеях (экуменических, гуманистических, общедемократических) государство не построишь. Даже вполне современные демократические государства отличаются друг от друга воплощенными в них национальными идеями.

Но выход за пределы чисто национальной идеи может быть стимулирован осознанием общей опасности. В данном случае исходящей не от внешнего врага, а от заведомо конфликтной ситуации, которая создается в ходе становления национальных государств. Именно это обстоятельство было первоначальным импульсом к интеграции Западной Европы. Содру-

жество окажется жизнеспособно, если сумеет реализовать наднациональное не в ущерб национальному.

Совершенно неперспективна попытка выработать единые для всех членов Содружества принципы участия. Потребности в воплощении национальной идеи и ее формы не могут быть одинаковыми у государств — членов СНГ. Соответственно не может быть универсальных путей выхода за ее пределы. К примеру, договор России с Беларусью предполагает весьма тесные связи, практически конфедеративные. Для Азербайджана такой уровень сближения невыносим. Но ведь и в Европейском сообществе Франция не участвует в военном союзе, Дания отказывается от принципа открытых границ. Тем не менее эти страны не перестают быть активными членами Сообщества.

газеты на украинском языке. А до 1905 года украинский язык был под запретом.

«НВ». Вы возлагаете надежды на то, что реализуется некая рациональная тенденция. Но не иррациональна ли сама природа националистических движений?

А.З. Иррационализм на какой-то период просто необходим для решения вполне рациональных проблем. Иррационализм выводит на поверхность глубинные, подсознательные силы народа. Если бы это подсознательное продолжало как при большевиках загоняться внутрь, я думаю, это могло бы обернуться массовыми стрессами. Но теперь нарыв прорвался. И нормальный человек, который многим был готов жертвовать ради независимости, но не готов голодать и воевать, особенно, когда он видит, что национальному чувству его ничто не угрожает, — мне кажется, что вот этот-то человек сегодня выступит носителем объективной потребности в интеграции.

«НВ». Почему же в России заметна противоположная тенденция?

А.З. С Россией получилось, как с Союзом. В Татарстане, мне кажется,

дело в том, что татарская партия-менклатура не пожелала оставаться с департизирующейся Россией. Немного иначе события развивались в Чечне, но там, по моему мнению, мы имеем дело со сменой кланов, борющихся за власть.

Но больше никто не делает попыток провозгласить независимость от России, хотя импульс такой, несомненно, есть (к примеру, в Туве). Значит, заработали экономические тенденции. Ведь сепаратизм — чаще всего защита. Либо политическая, если подавляется национальное, либо экономическая, если есть угроза — мнимая или реальная — твоему «куску пирога». Начали работать рыночные, квазирыночные механизмы, и стремление к целостности оказалось более сильным, чем противоположное.

«НВ». Но ведь за 70 лет сложилось и убеждение, что национальное реализуется прежде всего через государственность...

А.З. Надо эту идею пережить — убедиться в ее полной нежизнеспособности. Ведь, если начать сейчас последовательно осуществлять этот принцип, получится война всех со всеми: ясно же, что невозможно провести ни одну границу в строгом

соответствии с этническим расселением. Вот Югославия уже ввергнута в пучину такой войны. Живой опыт научит нас, что национально-территориальная государственность не имеет перспектив в демократическом обществе.

Советский Союз существовал в условиях национально-территориальной государственности потому, что она была только на бумаге.

Мы придем к нормальной чисто территориальной федерации, где часть земель будет иметь национальную специфику (например, Марийский «штат» будет наполовину состоять из марийцев, а Дагестан из жителей более чем двадцати национальностей), а часть не будет. «Штаты» (или земли, или губернии — неважно, как называть) будут иметь равные права. Но при этом каждая нация должна обладать своим политическим голосом. Палата национальностей в парламенте будет представлять не территории, а именно национальности, и избираться в нее должны по экстерриториальному принципу: от всех живущих в стране татар, ингушей и так далее.

Галина Ковальская

Рисунки Марата Таирова

Что можно увидеть, сидя в раковине?

Уолтер Лакер

Представления русских националистов о внешней политике России: союз с Америкой, Японией, Китаем невозможен. Партнерами могут быть или Германия, или исламский мир

Правые русские националисты делились на тех, кто выступал за сильную и неделимую Россию, и на тех, кто, подобно Солженицыну, полагал, что советская империя — это бремя, от которого следует избавиться. Но и они надеялись, что новая Россия в любом случае будет включать в себя Украину, Беларусь и север Казахстана.

Они совершенно не ожидали, что СССР полностью распадется в 1991 году и что над самой Российской Федерацией нависнет также угроза.

Пока боролись с хазарами, ушла Средняя Азия

Профессор Уолтер ЛАКЕР — директор Института современной истории в Лондоне, председатель Центра по изучению стратегических проблем и международных отношений в Вашингтоне.

Наш журнал продолжает публиковать главы из новой книги Лакера о русском фашизме. Она выйдет в 1993 году в Вашингтоне.

Русские ультраправые слишком поздно осознали опасность дезинтеграции государства. Пока Вадим Кожинов работал над обширной статьей, утверждавшей, что хазарское иго было ужаснее татаро-монгольского (хазары исповедовали иудаизм), балтийские и кавказские республики вместе с Молдовой выскользнули из-под русского управления.

Пока «Молодая гвардия» и «Наш современник» разоблачали жидомасонский заговор 1917 года, обычно именуемый Октябрьской революцией, Украина и республики Средней Азии провозгласили свой суверенитет.

Это — поразительный случай политической слепоты, выдумывания мифической опасности и неспособности разглядеть реальную угрозу. Когда-нибудь более разумные мыслители из числа правых постараются установить, каким образом были допущены такие фатальные ошибки.

Пожалуй, еще слишком рано рассуждать о том, как русские националисты будут объяснять распад страны в 1991-м и как они намерены действовать: либо в очередной раз заклеить традиционных виновников всех бед России, либо признать новые реальности, либо попытаться вернуть хотя бы часть утраченных территорий.

Шок 1991 года настолько велик, а последствия распада империи настолько грандиозны, что правые пока не готовы сформулировать свое видение внешней политики России. Они еще долго будут заняты в основном внутренними делами.

НАЦИЯ

У нынешних русских фашистов были предшественники. Фашистский журнал «Нация» издавался перед войной в Маньчжурии

Один из самых известных довоенных русских фашистов — Вонсяцкий. В 1921 году он перебрался в США, где жил на деньги своей жены-миллионерши. За сотрудничество с нацистской Германией и Японией ему пришлось четыре года просидеть в американской тюрьме

Национальная идея плюс армия

Правых всегда объединяла убежденность в том, что России для сохранения приличествующего ей места в мире необходима сильная армия, причем некоторые из их лидеров даже утверждали, что именно армия способна спасти страну от всеобщего хаоса. А часть крайне правых идеологов уверяла даже, что армия не только щит нации, но и носитель высшей культуры и народной нравственности. (Напомним о статье писателя Карема Раша «Армия и культура», опубликованной в 1989 году в «Военно-историческом журнале».)

Правые по многим причинам не приняли горбачевского «нового мышления». Одна из них — резкое несогласие с изменениями в официальной советской военной доктрине, происшедшими в 1989–1990 годах. (Интересующихся отошлю к статье «Ядерный щит и национальная идея», опубликованной «Нашим современником» в прошлом году.) Для

правых контроль над вооружениями однозначно выгоден Западу. Ценой колоссальных усилий и жертв Советский Союз создал себе сильное стратегическое положение. Отказ от него, по их логике, равносителен предательству.

Вот почему правые атаковали Георгия Арбатова, Евгения Примакова и других советников Горбачева, которые не были ни «либералами», ни тем более радикалами, но понимали, что советская экономика более не в силах выносить бремя таких колоссальных военных расходов, тем более что с чисто военной точки зрения они были мало эффективны.

Правые несколько не смирились с утверждением о том, что ядерное оружие не будет играть решающую роль в войнах будущего. Они утверждают, что значительное сокращение ядерного потенциала рано или поздно приведет к созданию «мирового правительства». А идея мирового правительства, с точки зрения правых, — это троянский конь американцев, худшее, что может ждать Россию, — проигрыш Западу без единого выстрела.

По тем же самым причинам правые возражают против запрета на испытание ядерного оружия (кроме соглашения 1963 года). Недовольство изменениями в военной доктрине приобрело все более ожесточенный характер, своих оппонентов они уже именовали «пятой колонной», сеющей в стране вирус политического СПИДа.

Эти дебаты были прерваны драматическими событиями 1991 года. Но жалобы на то, что вооруженным силам нанесли удар в спину, будут продолжаться.

От желтого дьявола до желтой опасности

Краеугольным камнем внешнеполитических взглядов ультраправых является нелюбовь и недоверие к Соединенным Штатам.

В этих чувствах, зародившихся в русском обществе еще до революции, правые не одиноки. Горький, которого по чисто личным причинам не слишком сердечно приняли в пуританской Америке, вдохновенно писал о «желтом дьяволе», который правит Соединенными Штатами. Долгие годы после 1945-го советская пропаганда рисовала Америку как самую страшную опасность для России.

Следует, конечно, сказать, что и среди интеллигенции, и среди народа существовали скрытое восхищение Америкой и даже преувеличенное представление о ее возможностях. Но для правых Америка — это материалистическое общество, лишенное идеалов и духовных ценностей, искусственная, синтетическая нация, которая рано или поздно

Этот рисунок газета «Русские ведомости» (№ 5/92 г.) перепечатала из газеты «Русское воскресение». Редактор «Русского воскресения» арестован, ему предъявлено обвинение в разжигании национальной ненависти. «Русские ведомости» продолжают выходить...

распадется, во-первых, из-за ее капиталистического характера, во-вторых, из-за избытка равноправия и отсутствия элиты. Америка, считают они, это бесплодная страна, не способная создать собственную культуру.

Сходная точка зрения на американское общество высказывалась и в Европе. Скажем, Адольф Гитлер говорил: «В одной симфонии Бетховена больше культуры, чем во всей американской истории».

Правые не признают Америку подходящим для России партнером во внешней политике. Ее считают главным врагом, хотя между двумя странами нет серьезных причин для вражды: территориальных споров, экономического соперничества, столкновения имперских амбиций. Русские правые пребывают в уверенности, что Америка постоянно пытается превратить Россию в своего сателлита.

Не пользуются любовью у правых Китай и Япония. Коммунистический Китай еще может рассчитывать на некоторое уважение, потому что он, похоже, справляется с экономическими проблемами успешнее, чем Россия, и, кроме того, сумел расправиться с собственными либералами. Но в то же самое время Китай — это «желтая опасность», которая всегда подстерегала Рос-

сию в Азии, это — миллиардная «орда», которая в один прекрасный день может вторгнуться в Сибирь.

Япония вызывает восхищение своим национальным единством и экономическими успехами, но различия в культуре двух стран слишком велики, чтобы правые могли допустить сближение с Японией, не говоря уже об урегулировании территориального спора.

Правые, в отличие от либералов, категорически против любых территориальных уступок, даже если речь идет о территориях, которые были включены в состав бывшего Советского Союза только после 1945-го, как это произошло с Курилами.

«Подлое нападение на Саддама Хусейна»

Некоторые правые отдают предпочтение стратегическому альянсу с мусульманским миром, даже несмотря на распространение исламского фундаментализма.

Но исламский мир, с одной стороны, разобщен, а с другой — большинство правых идеологов опасаются, что амбиции исламского мира скоро столкнутся с законными интересами России в Азии, а может быть, даже и в Европе.

Во время войны в Персидском за-

ливе в 1991 году русские крайне правые единодушно поддержали Ирак и заклеили собственное правительство за то, что оно поддержало американцев и агрессию Запада. Накануне войны крайне правые предсказывали полнейшее поражение американцев. После поражения Саддама Хусейна они утверждали, что ввиду столь огромного превосходства американцев Запад поступил подло, напав на не равного ему по силе противника.

Часть правых в свое время полагала, что хорошие отношения с исламским миром помогут Москве сдерживать сепаратистские движения в ее собственных мусульманских республиках. Другие, напротив, боялись исламизации России, если среднеазиатские республики останутся частью Союза. Отделение Средней Азии в 1991 году подвело черту под этими дебатами. Националистические русские журналы еще печатали восторженные статьи по поводу политической стабильности в среднеазиатских республиках, а они уже ушли из-под русской руки.

Относительно войны в Персидском заливе среди правых не было полного согласия. Вернее, все сошлись в том, что скрытая поддержка Горбачевым и Шеварднадзе американцев позорна. Но если, например, литературовед Вадим Кожин — сторонник ориентации на третий мир (в духе некоторых ленинских статей последнего периода), то математик Игорь Шафаревич предпочел бы русский вариант доктрины Монро — изоляционизм, неучастие в мировых делах, пока страна не оправится от упадка.

Крайне правые протестовали против восстановления дипломатических отношений с Израилем и ренимировали давно забытое Российское палестинское общество, которое еще в царские времена занималось религиозными и археологическими исследованиями. Но такого рода акции остались практически незамеченными публикой.

Христос или Ксеркс?

В основном, правые демонстрировали неприятие новой внешней политики Москвы, обвиняя Горбачева, и особенно Шеварднадзе, в том, что они оптом распродают важнейшие достояния России — ее огромные территории и гигантскую армию, ослабляя тем самым ее позиции как великой державы.

Две концепции имеют хождение среди правых — «евразийство» и «континентальный союз».

Евразийство — это смутная и с политической, и с культурной точки зрения идея. Философ Владимир Соловьев спрашивал своих друзей, когда они в своих духовных поисках обращались к Востоку: какой Вос-

ток они выбирают — Восток Христа или Восток персидского тирана Ксеркса?

Нынешние евразийцы не хотят ни Христа, ни Ксеркса, ни Хомейни, ни Каддафи. Но то, чего они хотят, в реальности не существует.

Тут следует упомянуть теории покойного Льва Гумилева.

Сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева, он выдвинул оригинальные идеи относительно происхождения этносов, в первую очередь русского этноса. Для Гумилева главное в характеристике этноса было биологическое начало, то, что он называл пассионарностью, — своего рода инстинкт или движущая сила. Гумилев, мне кажется, был близок к проповеди расовой сегрегации.

Его идеи пришлись по душе правым, потому что совпадали со стремлением славянофилов отделить русский этнос от Европы и потому что поддерживали евразийство. До 1987 года Гумилеву свои работы не удавалось напечатать, они циркулировали в самиздате и содержащиеся в них идеи популяризовали такие правые писатели, как Дмитрий Балашов.

Но в лагере правых Гумилева и критиковали, потому что он неизменно подчеркивал тесные связи между русскими, татарами, монголами и Золотой Ордой. Он считал, что отношения между Россией и ее восточными соседями были более тесными и сердечными, чем обычно считалось. С такими утверждениями поклонники чистоты русского этноса согласиться никак не могли.

Назад к Рапалло?

Сторонники континентального союза более многочисленны. Они выступают за создание всевропейского союза, основанного на оси Москва—Берлин (этот термин появился в «Литературной России» в 1990 году), в качестве противовеса Соединенным Штатам.

Это возвращение к Рапалло — договору 1922 года между Версальской Германией и Советской Россией, который так и не был реализован, основано на давних исторических связях между немцами и русскими, которые всегда были добрыми соседями и хорошими партнерами, дополняющими друг друга. Они, правда, иногда воевали друг против друга, как это случилось в 1914 и в 1941 годах, но эти войны, по мнению правых, — результат интриг Запада и жидомасонов, которые хотели причинить ущерб обеим великим нациям.

В 1922 году, когда было заключено соглашение в Рапалло, Германия была слабейшим партнером в этом союзе, сейчас Россия не в

лучшей форме. Но в истории любого государства бывают спады и подъемы, рано или поздно Россия оправится. Соединив свои силы, Германия и Россия станут сильнее всех в Европе, а может быть, и во всем мире («Голос России» пишет: «Нам нужен вечный союз с Германией»).

Русские правые с удовлетворением отмечают антиамериканские настроения в Германии и подчеркивают идеологическое сходство между двумя странами: Россия больше тяготеет к авторитарному режиму, чем к демократии, и в Германии не следует всерьез принимать нынешний парламентаризм. Как писал журнал «Москва», Германия в основе своей — консервативная страна, не затронутая разложением в той степени, как остальная Европа или Соединенные Штаты.

Авторы большинства такого рода историсофских и «геополитических» фантазий не только не осведомлены в международных делах, но у них и весьма смутное представление об окружающем мире и интеллектуальной жизни за пределами России.

Они продолжают шпенглеровскую традицию писать о странах, в которых никогда не бывали. Отсюда и преувеличение американского интереса к Европе, и недооценка перемен, которые произошли в Германии после второй мировой войны.

Недостаток глубоких познаний, неспособность поставить себя на место другого соединяются с постоянным выявлением антирусских заговоров. Газета «День», которая в значительной степени заполняется «разоблачениями» все новых и новых заговоров, даже придумала термин «конспиратология».

Все русские консерваторы XIX века, от славянофилов до Константина Победоносцева, прекрасно знали Запад.

Одно из печальных последствий изоляции России после революции 1917 года состоит в том, что там даже злейшие враги большевизма не знают и не понимают происходящего за границами их страны. Поэтому теории и концепции русских правых основаны на фантастических представлениях о выдуманном, несуществующем мире, а не на современных реалиях.

ЛОНДОН

В следующем номере:
Русские националисты между православием и язычеством. Могли ли русские произойти от индийских арийцев? «Влесова книга» в современной политической борьбе.

Кризис преодолен. Но пока только в Лондоне

На подступах к залу королевы Елизаветы Второй все дни конференции стояли сербы-демонстранты

На обратном пути в Москву на вопрос о том, как закончилась лондонская конференция по бывшей Югославии, усталый, но не разучившийся шутить министр Козырев ответил:
«Приблизительно, как бал у сатаны. Вино вышито, и вновь появился развязный кот и заплатанная сорочка на плечах у Воланда...»

Уход Радована Караджича с конференции никто, кроме журналистов, не заметил. Сенсация не состоялась

Но бал все-таки состоялся. Конференция стала одним из пока не испробованных средств каким-то образом воздействовать на ситуацию в республиках бывшей Югославии. К лондонскому форуму мировое сообщество, не оставляющее усилий урегулировать обстановку на Балканах, пришлось практически с нулевым результатом — не увенчались успехом ни настойчивые попытки решить проблемы в рамках Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству, ни активность представителей ООН, ни посредничество европейских сообществ.

В глазах всего мира главным и чуть ли не единственным источником насилия и виновником югославской трагедии была признана республика Сербия. Логически вытекающая из этого цепочка действий, прежде всего санкции против Сербии, вызывала неприятие со стороны двух республик бывшей Югославии — Сербии и Черногории, возмущала сербские общины в Боснии, Македонии, сербскую диаспору по всему свету. Несогласие с такой позицией высказали и некоторые другие члены мировой общественности — достаточно привести в пример то давление, которое оказывает российский парламент на наш МИД за то, что Россия проголосовала за санкции.

Неудивительно поэтому, что кое-кто заранее увидел в лондонской встрече подобие судилища над Сербией и новой Югославией, состоящей сегодня из Сербии и Черногории. Наверняка лидерам этих государств — президенту Сербии Слободану Милошевичу, премьер-министру Югославии Милану Паничу и

президенту Югославии Добрице Чочичу пришлось преодолеть некое внутреннее сопротивление, чтобы появиться на этой конференции.

Мало кто сомневается в том, что Сербия нынешние санкции заслужила, но попытки устроить в Лондоне публичную порку и в очередной раз грозить Сербии пальцем вряд ли привели бы к нужному результату — к умиротворению сторон и выводу ситуации из тупика. В конце концов какое из государств позволит, чтобы его зажимали в угол?

Ставка на публичное унижение Сербии дала бы прямо противоположный эффект — взрыв внутри страны и настроение «нам больше нечего терять» по отношению к внешнему миру.

Что могла сделать лондонская конференция? Переломить это настроение, перебороть раздражение, накопившееся против Сербии, и предложить всем оптимальный, не унижающий достоинства ни одного государства выход из положения. Кажется, в Лондоне это удалось.

Несостоявшаяся сенсация

На подходах к центру королевы Елизаветы Второй, где проходила конференция, и располагавшемся напротив зданию пресс-центра с утра первого дня конференции заняли свое место пикеты местных сербов с плакатами: «Не предавайте Серию в очередной раз!», «Дважды подумайте, прежде чем трогать Серию!», «Пресса, прекрати лгать о Серию!» (совсем как у нас!).

Чуть поодаль — группа поддержки Боснии, в которой выделяются несколько буддистских монахов в желтых одеяниях. Огромный красный плакат с призывом к Грузии уйти из Абхазии.

Когда в первый день перед подъездом центра королевы Елизаветы Второй появился ушедший с конференции лидер сербской общины в Боснии Радован Караджич,

его тут же облепила толпа журналистов, почуявшая запах долгожданного скандала. Караджич ушел с конференции! Окруженный мохнатым роем газетчиков и, судя по выражению лица, довольный вниманием прессы, Караджич, ожидая лимузина, прогуливался по площадке перед входом (в это время боснийцы с буддистами заходились в дружном скандировании: «Нацист! Нацист!»).

Караджич уехал, и симпатичные лондонские бобби, позволявшие журналистам слоняться по пятам Караджича на площадке перед входом, вытолкали прессу весьма бесцеремонно, просто-таки взащей.

Не пройдя и двух шагов, мы остановились, чтобы поспорить, что означал уход Караджича, как этот уход скажется на ходе конференции, пусть даже Караджич всего-навсего имеет статус наблюдателя?

Привлеченные звуками русской речи, нас с собственным корреспондентом «НВ» в Лондоне Сергеем Бабусенко окружили человек пять сербов, предводительствуемые двумя дамами средних лет. Одна из них — Милица Дражич — живет в Англии уже восемь лет, потому что, как она сказала, «в Белграде сербам жить стало невозможно». От них мы услышали такой текст: «Все, что говорят в отношении сербов, — провокация. Вас покупают за доллары. Вы передаете славянское братство. Вы думаете, что нужны Западу, но вас вышвырнут, как только в вас отпадет необходимость...»

Уход Караджича с конференции для всех, кроме жаждающей сенсаций прессы, остался незамеченным. Работа шла своим ходом, и это было хорошим признаком того, что все действительно заинтересованы в результатах.

Вечером того же дня Радован Караджич вернулся в зал королевы Елизаветы Второй совсем не так шумно, как удалялся отсюда. Он заявил, что у него есть пакет новых

Милан Панич:
«Мне нужна ваша помощь»

Слободан Милошевич, с чьим именем связывают агрессивную политику Сербии, в сентябре уйдет в отставку. И не вернется

Алиа Изетбегович вроде бы отказался выдвигать предварительные условия для переговоров с Сербией

предложений, которые он сначала хочет обсудить на двусторонних встречах. Пакет на перспективу. Лондонской встрече это не помешало.

Германия, Франция, Россия и другие

«Сербско-черногорское государство, или как бы оно там себя ни называло, не имеет права претендовать на то место в международных организациях, которое занимала ранее всеми уважаемая Югославия. Мы не должны позволять вводить себя в заблуждение псевдоюгославской идеей тех, кто мечтает о великой Сербии. Претензия на преемственность нужна лишь для того, чтобы оправдать силовую экспансию. Уже по одной этой причине мировое сообщество не должно признавать ее». Выступление министра иностранных дел Германии Клауса Кинкеля было самым резким из прозвучавших на конференции.

Такой тон огорчил многих — в частности, на излишнюю суровость своего коллеги обратил внимание премьер-министр Франции Ролан Дюма. В кулуарах конференции слова Кинкеля весьма неодобрительно поминали многие. Тем более что речь премьер-министра СРЮ Милана Панича была явной попыткой конструктивного диалога. «Мне нужна ваша помощь», — не раз повторил он.

«Все стороны конфликта несут ответственность за происходящее, хотя и в разной степени. Все стороны постоянно нарушали соглашения о прекращении огня», — это строчки из выступления Андрея Козырева.

Пока заседала конференция, стрельба в Сараево не прекращалась. Сама жизнь подтвердила слова министра. К концу первого дня заседания пришло сообщение из Боснии, которое зачитал Джон Мейджор: убит еще один солдат из сил по поддержанию мира, и совершенно точно установлено, что выстрел был сделан из резиденции лидера Боснии Али Изетбеговича...

Война в Югославии и реакция на нее мирового сообщества породили разговоры об исторической анти-сербской ориентации Германии, об исторической ответственности России на Балканах. И сегодня есть тенденция объяснять ситуацию в Югославии, скажем, извечным франко-германским соперничеством, противостоянием славянского братства западному миру.

Еще недавно, когда в мире существовали две сверхдержавы, две уравновешивающие друг друга системы — западная и коммунистическая тоталитарная, все было проще. Но сегодня, когда рухнули идеологические основы мирового равновесия и вырабатываются новые прин-

ципы международного сотрудничества, естественным образом место идеологии пытаются занять идеи этнической близости и единой веры. Как раньше руководствовались «нормами» международной солидарности трудящихся, так сегодня присягают панславизму.

Следуя этой логике, достаточно обоснованной исторически, Россия в первую очередь любой ценой должна поддерживать единоверную и этнически близкую Сербию. Странники таких взглядов есть и в России, и в Югославии. Именно такую позицию склонен занимать и российский парламент.

Но МИД упорно и молчаливо гнет свою линию.

Кризис, но без коалиций

Российский МИД считает, что Россию связывает с каждой из бывших югославских республик историческая дружба и что у России на Балканах есть свои интересы. Но главное, чем может помочь сегодня Россия, — это помочь преодолеть агрессивный национализм, который раздирает бывшую Югославию на части и насаждает насилие.

Конечно, можно встать на дремучую точку зрения, говорит Козырев, и считать, что «антисербски настроенная» Германия только и мечтает, что развязать очередную войну, а мусульманский мир спит и видит, как бы начать джихад против неверных. Но соответствует ли это реалиям конца XX века?

Лондонская конференция помогла развеять эти мифы. Со времен первой и второй мировых войн старушка Европа сильно преобразилась и уже не найти тех антагонизмов между Францией и Германией, между Россией и Германией, что когда-то определяли лицо Европы и устанавливали соотношение сил.

Потому-то весь мир и занимается Югославией, что понимает ту опасность, которую несет в себе процесс, развивающийся в бывшей Югославии. И одна из таких угроз — соблазн создания международных коалиций — исламской, славянской и так далее.

Хотя в конференции принимал участие представитель организации «Исламская конференция», а также один из лидеров исламского мира — Турция, удалось избежать педалирования проблемы мусульманской солидарности с единоверцами из Боснии. Дело не в том, что, как считают некоторые, славяно-мусульмане из бывшей Югославии не слишком близки в основном тюркско-арабскому исламскому миру. И не в том, что, скажем, Турции достаточно своих проблем с курдами, чтобы всерьез заниматься поддержкой борьбы единоверцев за рубежом и разрешением

В Лондоне все стороны договорились, что будут способствовать закрытию лагерей для военнопленных...

конфликтов за пределами страны.

Все разумные политики понимают, какой разрушительной силой будет обладать смерч этнической и религиозной нетерпимости, если его раскрутить в Югославии. Сколько жертв он потребует. И не только в Сербии, Хорватии, Боснии, но и в соседних странах.

Россия спасает конференцию

Представители Югославии и Сербии на заключительном этапе работы — выработке документов — отказались после перерыва вернуться в зал заседаний. За два дня, сказали они, мы выслушали немало критики и нелепецных речей, вроде слов Кинкеля, но участвовать в принятии и оглашении резолюции, осуждающей наши государства, мы не можем.

Потребовался ряд дипломатических усилий, главные из которых были совершены российской делегацией, чтобы выработать приемлемую для сербов формулу и вернуть их в зал заседаний. Сорокапятиминутные переговоры министра Андрея Козырева и его заместителя Виталия Чуркина с Миланом Паничем и Слободаном Милошевичем вывели ситуацию из тупика. С просьбой помочь наладить взаимопонимание с сербами обратился к нашим дипломатам напрямую хозяин конференции, премьер-министр Великобритании Джон Мейджор.

В конце концов представителей Югославии и Сербии убедил аргумент о том, что впервые за последние шесть месяцев в документе — в завершающем абзаце — сказаны позитивные слова о Сербии и Черногории, отмечены их шаги в направлении поиска взаимопонимания с мировым сообществом, в частности письмо Милана Панича генеральному секретарю ООН.

«Кому-нибудь другому сербы не поверили бы, — считают наши дипломаты. — Как показало обращение к нам за помощью Мейджора, доверяет нам и Запад. А это главное для международного престижа России».

Еще недавно в Белграде склонны были рассматривать Россию как безоглядного покровителя Сербии. Но российский МИД дал понять, что на бездумное покровительство со стороны России рассчитывать не стоит, что Россия, в случае необходимости, готова пойти на решительные меры. Но на прошедшей конференции югославы были свидетелями и тому, какие жесткие дискуссии вела Россия с представителями Запада, чтобы не допустить «избиения» Сербии.

Например, удалось настоять на том, чтобы документ о положении в Сербии и Черногории не содержал перечисления тех санкций, которые будут приняты в том случае, если Сербия «ослушается».

Но, с другой стороны, пришлось преодолеть и сопротивление Сербии, которая была готова участвовать в конференции только при том условии, что не прозвучит ни слова критики в ее адрес.

«Весь мир увидел, что мы не собираемся идти ни у кого на поводу, что Россия живет своим умом. Если нужно, мы готовы применить и санкции, и вето. Но — если нужно», — подчеркивают лидеры российской дипломатии.

Военное вмешательство пока исключается

Конференция по бывшей Югославии создала координационный комитет и шесть рабочих групп по различным проблемам, членами которого будут представители ООН, страны — председателя Европейского сообщества, стран — постоянных членов Совета Безопасности, тройки европейских сообществ и тройки СБСЕ и «Исламской конференции».

Насколько реалистично ожидать коренного изменения обстановки в Югославии в ближайшее время?

Лондон — лишь начало долгой и кропотливой работы конференции по бывшей Югославии, которая становится постоянно действующей. Пока только установлены принципы решения проблемы — прекращение огня, уважение прав человека, переговоры, отказ от этнических чисток, уважение суверенитета и территориальной целостности республик.

На конференции вроде бы удалось уговорить Боснию снять предварительные условия для переговоров с Сербией, хотя никакого конкретного механизма урегулирования отношений между двумя республиками расписано не было.

Второе обнадеживающее обстоятельство — добытое вроде бы согласие Сербии на международный контроль и присутствие международных военных наблюдателей в подразделениях сербской армии.

Третье: судя по некоторым разговорам в кулуарах конференции, в середине сентября Слободан Милошевич, президент Сербии, с именем которого связывают агрессивную политику республики, уйдет в отставку в связи с роспуском Скупщины, выборы в которую назначены на ноябрь. И не вернется.

Многие договоренности, достигнутые на конференции, имеют предварительный неофициальный характер, они не получили документального оформления. Тем не менее несомненной ценностью считается то, что все присутствовавшие на конференции заинтересованные стороны согласились с ее результатами. Если события начнут развиваться в нужном направлении, то Россия первая выступит за снижение санкций против Сербии.

Дипломатия — не фейерверк, а трудная работа

Лондонскую конференцию можно считать этапной и с точки зрения

взаимоотношений российского парламента с МИД. В состав российской делегации Андрей Козырев пригласил председателя парламентарского Комитета по международным делам Евгения Амбарцумова, чьи расхождения во взглядах на югославский кризис с МИД общеизвестны.

Это был неплохой ход со стороны нашего внешнеполитического ведомства. С одной стороны, оказано уважение законодательному органу, который весьма чувствителен к знакам внимания. С другой — парламент приглашен участвовать в реальных переговорах и его представитель имеет все возможности проявить себя и убедить участников форума в своей правоте. В-третьих, он сможет составить более полное представление о позиции МИД и о том, как она проводится в жизнь.

Было бы смешно, если бы Евгений Амбарцумов полностью отошел от своих взглядов после конференции. Он по-прежнему считает, что санкции против Сербии были ошибкой, и заявляет (правда, в достаточно мягкой форме), что на месте Козырева выступал бы более настойчиво и менее обтекаемо.

Однако, кажется, в тоне Амбарцумова появилось и нечто новое. «Я не могу не относиться уважительно к той позиции, которую министр счел нужным занять, — заявил он нам с Сергеем Бабусенко. — Козырев, похоже, делает максимум того, что он может сделать. Я это ценю».

И Евгений Амбарцумов, и Андрей Козырев, впрочем, считают нормальным то, что в позиции парламента и правительства существует некоторый зазор. Но вряд ли министр может считать нормальной ситуацию, в которой его ведомство подвергалось постоянной обструкции со стороны Верховного Совета. «Превращать международный престиж государства в поле борьбы против правительства просто аморально», — не раз заявлял министр. Сейчас Козырев, очевидно, получил частичную сатисфакцию.

Международный авторитет России держится на высоком уровне — парадоксальным образом этому способствовало то, что весь мир видел, как наш МИД противостоял давлению ортодоксов и парламента. Вес словам российских дипломатов придает еще одно обстоятельство: того, что происходит в бывшей Югославии, мы в бывшем СССР у себя не допустили. И все понимают: если бы допустили, то, как сказал один из западных политиков, Югославия показалась бы всему миру «детским садом».

ЛОНДОН—МОСКВА

Флаг, которого мы боимся

Три монолога о чувствах, которые все еще живы

Голоса людей. Они с таким трудом пробиваются в наши статьи о странах, где мы работаем. Статьи, уложенные в прокрустово ложе газетных и журнальных размеров, насквозь политизированы — что подедаешь, мир и в самом деле захлестывают политические страсти. Но сегодня, воспользовавшись некоей паузой на политической сцене Чехо-Словакии, я предлагаю вам три записанных мною монолога — голоса людей, которые были скованы с нами одними кандалами, теперь — одной надеждой...

Йозеф Швейцар, профессор:

Все началось с «Войны и мира»

Мне 95 лет. После смерти моего коллеги-финна, тоже долгожителя, я самый старый педиатр в мире. Был еще учеником Масарика — трудно представить, верно?.. Считаюсь автором серьезных исследований и даже открытий (сухое молоко для грудничков — это ведь я первым в мире применил), член многих зарубежных педиатрических академий, сколько детей вылечил, написал статей и книг, но, знаете, что я вам скажу? Главное, к чему я в результате пришел, было в книге, которую я прочел еще в юности, когда интерес к русской культуре считался приметой истин-

ного интеллигента. Это «Война и мир» Толстого. Это моя Главная Книга.

К сожалению, мы, чехи, обладаем одним дурным свойством: на каждом новом этапе своего развития разрушать то, что было создано предшественниками. Начинать как бы с белого листа, заново. Сегодня я своей главной задачей считаю доказать, что наиболее важным и спасительным для человечества на современном этапе является развитие чувств. Что такое разум — мы поняли. Моделью его является компьютер. А что такое чувства? На этот вопрос не ответит вам никто — ни современный философ, ни физиолог, даже такой, как Павлов, я, кстати, его хорошо знал, он ведь работал в Праге. Для меня пока ясно одно: разум — это мужчина, чувство — это женщина. Как вы догадываетесь, я был свидетелем не одной революции. Но главная революция, которую я наблюдал в течение своей жизни, не социальная, а природная: огромное развитие духовного мира женщины. Именно этой революцией человечество спасается от той опасности, которая ему угрожает. Если вы спросите меня, кто самый опасный человек на планете, я вам отвечу: мужчина. Исчерпанность мира — вот результат его длительных усилий.

Когда я учился в гимназии, человечество насчитывало полтора миллиарда, к концу этого столетия нас будет десять миллиардов — а мужчины до сих пор не могут договориться, как разделить продукты, чтобы в одной точке земного шара не объедались, в другой не умирали с голоду. А кто стреляет в упор в детей и женщин в Югославии и Кувейте? Кто зажег скважины в Кувейте, которые до сих пор не потушены? Говорим: экология, экология — да дайте вы дорогу женщине, самой природой предназначенной не разрушать, а охранять жизнь! Женщина — единственная, кто может остановить зло.

Не поймите меня узко: я не за то, чтобы все женщины стали Маргарет Тэтчер. Я за то, чтобы мужчина ничего не делал, не посоветовавшись с женщиной. Отношение к женщине — мерило общества. И человека. Один мой друг говорит: «Я ничего не узнаю о человеке, пока не познакомлюсь с его женой». Чему вы улыбаетесь? Он прав. Вот сейчас у нас вы часто слышите имя Клаус — он автор экономической реформы, победитель на выборах, новый председатель правительства, — а знаете, в чем для меня секрет его успеха? Клаус всегда советуется со своей женой. И дело не в том, что она тоже экономист. Женщина — необъятна, неисчерпаема. Именно поэтому мужская неверность, я убежден, свидетельство душевной неразвитости — всегда можно открыть новое в том, кто рядом с тобой. Я своей жене не изменил ни разу. Прожил с ней более полувека и изучал ее до самого ее последнего вздоха.

Да, все уже ушли — жена, дочь, сверстники... И вот что характерно: мне трудно на-

ходить общий язык с мужчинами, хоть они младше меня на 10–15 лет, а уже старики. А женщины не стареют до конца жизни. Да, да. Они вообще более выпестованы для жизни, у них и генов-то на 800 тысяч больше, чем у мужчин. Отвернуться человечеству от женщины — это все равно что ребенка отнять у матери. Рожаясь, ребенок кричит. Этот крик — страх смерти. И нужно немедленно приложить ребенка к материнской груди. Кормление грудью — не просто утоление голода. Это насыщение чувств — и ребенка, и матери. Как сказала одна моя пациентка: «Это не я его кормлю, он меня кормит». Но ведь все это уже есть в «Воине и мире». Вспомните Наташу Ростову! А в наших и в ваших роддомах новорожденных у матери сначала отнимают. Это настоящее преступление. Просто злодейство. В своей книге «Воспитание ребенка» я написал:

«Удивительно, что современная физиология открыла старый естественный опыт как единственный и правильный и заставляет нас вернуться к нему». Такое же преступление — ясли. До трех лет ребенок должен быть с матерью. Я просто счастлив, что у нас сейчас ясли закрываются. А у вас? Нельзя разлучать мать и дитя и во время его болезни. Горжусь тем, что моя клиника была единственной в нашей стране, где матери лежали с детьми. Хотя существовал строгий запрет на это — я просто плевал на него.

Это, должен я сказать, от вас пошло — не давать детям воли. До-олгое же время была мода на все советское... Да. А теперь мода на все американское — что также дурно, я считаю. Впрочем, мода потому и мода, что когда-нибудь да проходит. Остается изначальное — то, из чего и состоит «Воина и мир».

Михал Соукуп, заместитель министра по делам национальной имущества и его приватизации:

«Вы только позовите»

«Когда к нам в министерство приезжал господин Чубайс — ну, вы знаете, конечно, он возглавляет Госкомимущество России, — я очень удивился: у него не было наших законов. Я сразу дал ему закон о малой приватизации, закон о большой и книжку о купонной методике. Нет, я не хочу сказать, что он ничего не знал о нашей экономической реформе, он многое знал, но если мы хотим сотрудничать, если вы хотите чему-либо поучиться у нас, то начинать надо с законов. Мы много времени потратили на то, чтобы разработать законодательную основу будущих преобразований, — зато горды тем, что парламент принял их почти без изменений. Это первое. Второе, на что, по-моему, вам стоит обратить внимание, — это жесткий курс проведения реформы в жизнь. Такой жесткий курс возможен, конечно, при одном условии: поддержке государственных органов и политических партий. Я всегда говорил, что, если бы мы не пользовались поддержкой «правилы» и президента Гавела, мы оказались бы в положении розочки в тире — нам только бы и оставалось, что ждать, кто придет и отстрелит нам головку. Я предупреждал господина Чубайса: жесткой критики слева вам не избежать. Будут, как и у нас, и анонимные телефонные звонки, и даже угрозы расправиться с семьей — когда происходят гигантские имущественные преобразования, этого следует ожидать. И тут нужна безграничная вера в то, чем вы занимаетесь. Нет, я не хочу сказать, что следует заткнуть уши для всякой критики. Мне 45

лет, хочу еще многому научиться, я стараюсь вникать в аргументы наших оппонентов, которые кричат о безработице, о возможной распродаже государства, о шоке. И у вас тоже? Но сегодня перед вами, как и перед нами, дилемма: либо быстро, но больно, либо медленно, но с меньшей болью. Я за быстрый путь, хотя и не считаю себя бесчувственным в социальном плане. В конце концов, если у вас гангрена, предпочтительнее все же хирургическое вмешательство, чем медленное гниение: я верю в то, что лет через десять мы достигнем уровня жизни той же Ав-

стрии. Если же послушаться наших критиков, то мы до этого просто не доживем.

Что является изюминкой нашей реформы, вы спрашиваете? Купонная приватизация. Это то, что отличает нас от Венгрии и Польши. Сейчас я постараюсь вам объяснить, что это такое, ведь вам, насколько я знаю, предстоит подобное.

Так вот — каждый житель Чехословакии, достигший восемнадцати лет, получил купонную книжку. Заплатил за нее тысячу крон, а весила она 37 тысяч, то есть на эту сумму была обеспечена имуществом. Дальше эти книжки следовало зарегистрировать, сказав тем самым «да» вступлению в своеобразную экономическую игру. Вначале регистрация шла вяло (это вам полезно знать), мы даже подумывали о том, не отказать ли нам вовсе от этой затеи. Но потом в кампанию включились инвестиционные фонды, которые стали скупать купоны, — есть люди, которые хотят принимать решения сами, — я, например, свои купоны не отдал, а есть люди, которые привыкли к тому, что за них решения принимают другие. Возникла новая опасность — вдруг фонды скупят всю собственность?»

Тогда мы приняли законодательные акты, по которым один фонд не может купить целое предприятие. В результате намеренных трех волн купонной приватизации нынешние владельцы купонных книжек станут владельцами акций тех предприятий, которые они выберут. Кто-то, возможно, и свою тысячу потеряет, а кто-то может получить за нее и 200 тысяч.

Не надо бояться богатых людей. Не следует их только делать богатыми сверху, административно, так сказать. При приватизации, заметим это себе, вообще важно избежать кадрового подхода. Конечно, если бы мы стали что-то продавать Василу Биляку, проблемы наверняка бы возникли. Но в принципе, чем ты занимался до 1989 года, не суть важно. Был ты коммунистом, не был, мне лично все равно. Если коммунист докажет, а для этого существует система приватизационных проектов на конкурсной основе, что он сумеет позаботиться о предприятии, то он спокойно его получит. В конце концов на одного коммуниста станет меньше. Что тоже, знаете, немаловажно.

У нас сегодня «левые» позволяют себе значительно больше того, что год назад. У вас ведь мафия еще сильнее, чем у нас: и криминальная, и прокоммунистическая. Господину Чубайсу с коллегами придется быть гораздо более отважными, чем нам. Если ваши реформаторы не получают той поддержки, которая есть у нас, — будет большое горе. Вы даже

Этим политикам пора бы взяться за ум...

... к сожалению, однако, некоторым взяться не за что...

не представляете себе, как я вам сочувствую. Такой народ — и такие мучения... Знаете, у нас сейчас есть предложения о поездках по всему миру, но я вам скажу, и это не ра-

ди красного словца, а совершенно искренне: если бы меня спросили — Нью-Йорк или Москва, я выбрал бы Москву. Вы только позвоните».

Марта Мацкова, пенсионерка:

Ключ от московской квартиры

«Мне часто снится один и тот же сон: я снова в Москве, непередаваемое ощущение возврата к чему-то... Не подберу слова... К молодым верованиям? К прежним надеждам? Не знаю — но так хорошо. Вот передо мной моя московская комната, я ищу к ней ключ — а ключа нет. Всегда просыпаюсь в холодном поту.

Откуда мое знание русского? Из чувства протеста — начала учить его в годы немецкой оккупации. Это было опасно, и мы с сестрой пустились по дому слух: будем учиться шить. И все думали, что маленькая пожилая женщина, которая к нам регулярно ходит, — швея. А то была русская эмигрантка. Да, все началось из чувства протеста, а кончилось любовью. Любовь эта оказалась трудной, очень... Вы знаете, когда я услышала о ваших танках в

вае, за что я так полюбила Россию, русских.

Вот я вам расскажу такой эпизод. Послевоенная Москва, 1946 год, я работаю в чехословацком посольстве переводчиком при атташе по культуре, которой была тогда одна наша писательница, моя подруга. Мы идем с ней по улице Горького — боже, какая нищета, сколько калек просит милостыню, как бедно одета Аллочка, наша знакомая студентка! И вдруг нам навстречу роскошная женщина в каком-то бархате, драгоценностях. «Тарасова, Тарасова», — шепчет Аллочка, и в глазах ее ни капли зависти, ни грана боли за свой вид, да она в театре на Тарасову бегаёт в платье, в котором я не стала бы и полы мыть, хотя наша семья никогда не считалась богатой. Одно восхищение. Умение жертвовать, вот что поразило меня в ваших людях. И открытая сердеч-

комнаты, выдавала ключи — была прислугой «про все» в маленькой горной гостинице. Да, разумеется, когда началась эта самая «нормализация» после ваших танков, меня выгнали с работы. Была редактором журнала, стала зарабатывать на жизнь руками — не головой. Да... А с Полевым мы встретились. Потом. Тоже в гостинице, но уже в Праге. Он подошел за ключами и, увидев меня, так растерялся... Потом склонился ко мне: «Марточка, если можешь, прости». Мы обнялись. Прежние чувства оказались сильнее.

Вот у вас пишут сейчас: в Восточной Европе многие заболели русофобией. Теперь в Праге немецкую речь встречают гораздо более приветливо, чем русскую. Но вот приехал в Прагу Святослав Рихтер — зал ведь был полон, как и раньше! Но этот приезд — исключение. Где те делегации ваших писателей, артистов, музыкантов, от которых раньше отбоя не было? Не идут русские фильмы, с трудом можно купить вашу газету, книгу. Подумать только, за долгие десятилетия впервые на «Пражскую весну» не приезжает ни один ваш музыкант. Говорят, всему виной деньги. Да, мне теперь, видимо, в Москву, по которой так тоскую, не поехать — 7 тысяч крон на дорогу мне не перекрест. Но Америка-то, я чи-

1968-м? В самолете, летела из Москвы в Прагу. Только что со слезами мы расставались с моими московскими друзьями, и вдруг подхожу к дому и вижу: прямо в мои окна направлены жерла пушек. Как же было сильно чувство горькой, безутешной, отчаянной обиды — за что?! Я всю свою жизнь от первого послевоенного дня до этого проклятого августа посвятила тому, чтобы 14 миллионов моих сограждан стали вам друзьями. А вы? Казалось, мы так любили друг друга. Как же вы, мои московские друзья — а я хорошо знала Мравинского, Твардовского, Симонова, Полевого, всех не перечислить, — как вы могли допустить такое? Я села и написала открытое письмо Борису Полевому. Его напечатали наши газеты. Полевой ответил мне каким-то абзацем в «Правде»... А, не хочу. Лучше я расскажу вам о том первом русском, которого узнала. Это был мальчик Ваня. Солдат. Сын полка. В мае 1945-го он просто открыл дверь нашей квартиры, сказал: «Хочу посмотреть, как вы тут живете». И остался у нас на две недели. Такой смешной... Он впервые увидел ванну, представляете? Когда уезжал, принес нам большой эмалированный таз — такой, как он считал, шикарный сделал нам подарок. А многие мальчишки-солдаты впервые видели наручные часы. И это именно они освободили нас. А вы спраши-

тельность — мы не такие.

А та студентка Аллочка скоро исчезла. Наши русские знакомые нередко бесследно исчезали. И только когда исчезла актриса Окуневская, мы поняли — куда.

Каждый вечер мы с подругой совершали прогулку вокруг Кремля. Однажды на Красной площади она сказала, глядя, как неуклонно плещется красное полотнище на холодном ветру: «Марточка, я этого флага боюсь». Вы не думайте, что я была восторженной дурочкой, я уже тогда училась отделять политику от людей, уже тогда боялась, что ваша политика станет нашей, что, как известно, и случилось. Но всего до конца я, наверное, все же не понимала, а, может быть, просто на что-то закрывала глаза.

Я отполоскала свою душу в горах — зима, лес, звезды и долгие одинокие прогулки. Прогулки по вечерам. Днем я мыла туалеты, убирала

тала, ваши артисты просто заполнили! Неужто до Нью-Йорка дорога дешевле, чем до Праги? Такой разрыв наших связей — ненормальная вещь. И ваша интеллигенция должна сделать тут первый шаг. Это вы потеряли ключ от моей московской квартиры — вам и следует его найти. Иначе Москва вообще перестанет мне даже снится.

...От чего я выполоскала душу там, в горах? От идеологии. Всякой. Идеологические скрепы оказались непрочными. Как выяснилось, нет ничего прочнее самого хрупкого — человеческих чувств».

Монологи записала

Инна Руденко,
собственный корреспондент
«Нового времени»
ПРАГА

Рисунки Аркадия Гурского
и из чешской газеты «Меднес»

Полковник из «Аквариума» на скамье подсудимых

Может ли российский военный разведчик в Германии не знать немецкого языка?

Борис Лысенко,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Вечером 18 ноября прошлого года неподалеку от старинного города Вернигероде в живописных горах Гарц был арестован полковник российской армии.

Задержанный яростно отбивался, и немцам пришлось заковать его в наручники. В ближайшем полицейском участке была установлена личность арестованного. Им оказался, как писали немецкие газеты, «начальник разведцентра Главного разведывательного управления бывшей Советской Армии в городе Магдебург 46-летний полковник Виктор Жердев».

В августе в первой берлинской судебной палате начался процесс по делу русского полковника. Ему предъявлено обвинение в том, что он, «занимая руководящий пост, занимался шпионажем против бундесвера и дислоцированных в Федеративной Республике Германия войск стран НАТО».

Во время следствия Виктор Жердев отказался давать показания и даже что-либо сообщить о себе самом. Однако обвинение, как оно считает, располагает достаточным количеством доказательств, подтверждающих вину полковника.

В обвинительном заключении говорится, что Жердев «занимался шпионажем с 1980 года до момента ареста». Наряду с вербовкой агентов в Берлине и Магдебурге ему ставится в вину «подкуп должностных лиц». Обвинение установило, что, получив специальную подготовку, Виктор Жердев прибыл в Восточный Берлин в 1980 году в качестве офицера оперативной разведки. Ему вменялись в обязанности «выявление военно-стратегических комплексов противника и вербовка агентов».

В 1987 году он был переведен в Ригу, в штаб Прибалтийского военного округа, где возглавил отдел, который занимался разведкой против Германии.

В апреле 1989 года он вернулся в ГДР и стал начальником «магдебургского центра ГРУ» с оперативным пространством от Стендала на севере до Мюльхаузена на юге. В обвинительном заключении говорится, что в подчинении у Виктора Жердева находилось примерно 45 человек, в том числе 15 офицеров оперативной разведки, каждый из которых руководил двумя завербо-

ванными агентами. Каким образом полковник попал под «колпак» немецкой контрразведки?

Виктор Жердев вместе с другими российскими офицерами-разведчиками принимал участие в вербовке полицейского чиновника из земли Саксония-Анхальт, который о сделанном ему предложении сообщил контрразведке.

По утверждению газеты «Берлинер цайтунг», агенты, которыми руководил полковник Жердев, занимались также шпионажем в одной из французских воинских частей и на одном из аэродромов британских войск, расквартированных на территории Германии.

В связи с процессом стало известно,

что государственный министр в ведомстве федерального канцлера Бернд Шмидбауэр посетил Москву, чтобы убедить российское руководство свернуть работу секретных служб на территории Германии. Суд над полковником, таким образом, перерастает в серьезную политическую проблему.

Мои попытки получить какую-либо информацию об истории с полковником в штабе Западной группы российских войск не увенчались успехом.

На суде странным образом выяснилось, что полковник плохо владеет немецким языком. Как же ему удавалось столько лет вести вербовочную и агентурную работу с немцами?

БЕРЛИН

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

«Армейскому разведчику ошибки прощительны»

Виталий ЧЕРНЯВСКИЙ, бывший начальник 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР, рассказывает корреспондентам «НВ»

— Российский резидент в Германии, который плохо говорит по-немецки? Что это — свидетельство деградации военной разведки? А ведь Главное разведуправление генерального штаба российской армии считалось самой сильной службой среди военных разведок мира, иногда ГРУ даже считали более профессиональным и умелым, чем ЦРУ и КГБ...

— Полковник Виктор Жердев, арестованный в Германии, принадлежал не к Главному разведывательному управлению генерального штаба российской армии, а к армейской разведке. Это разведка более низкого уровня, оперативная. Со-

ответственно у нее и кадры слабее, тут и языка могут не знать, через переводчика с агентом объясняться. ГРУ в данном случае ни при чем, это самостоятельность разведотдела Западной группы войск. ГРУ занимается стратегической разведкой, а армейская разведка решает менее значительные задачи — выясняет положение дел в частях и соединениях, непосредственно противостоящих частям российской армии.

— В последние годы много писали о том, что военные разведчики ненавидят сотрудников КГБ, которые следят за ними и снисходительно относятся к ГРУ. Ваш опыт подтверждает эти наблюдения?

— Политическая разведка действительно всегда ощущала себя на подголове выше военной. Но никакой ненависти, неприязни к нашим военным «соседям» мы

никогда не испытывали. Отношения были деловые, товарищеские. Конечно, были соперничество, конкуренция. Все хотели первыми докладывать начальству в ЦК КПСС важную информацию. А шефы на Старой площади, когда возникали споры между двумя разведывательными службами, обычно брали сторону Лубянки. Так, мы получали от ГРУ агентов, в которых были заинтересованы. Я, например, работал с несколькими первоклассными шпионами, которых мы получили от военных «соседей».

— Военные пытались протестовать?

— Такого не припомню. Нужно учитывать, что с самого начала военная разведка контролировалась политической. После войны контроль, пожалуй, смягчился, но за госбезопасностью все равно оставалась роль контролера и наблюдателя. Тем более что контрразведывательное обеспечение ГРУ и других органов военной разведки всегда находилось в руках госбезопасности.

«Аквариум» и Лубянка: соседи-соперники

Госбезопасность всегда стремилась держать под контролем армейскую разведку. Еще с тех пор как Сталин заподозрил своих маршалов в стремлении совершить переворот.

Соперничество ГРУ и КГБ всегда пере-

оценивалось. У военных разведчиков просто не было никакой возможности противостоять КГБ, который контролировал в стране все, включая Главное разведуправление. Особые отделы в вооруженных силах были и остаются частью системы госбезопасности.

На вопросы «НВ» отвечает кадровый военный разведчик генерал-майор в отставке **Виталий НИКОЛЬСКИЙ**

— Вы прослужили в военной разведке тридцать лет. С вашей точки зрения, ГРУ уступает внешней разведке КГБ?

— В профессиональном смысле? Нет.

— А в каком смысле уступает?

— Положение у нас было другое. Они — часть всемогущего аппарата, который подозревает всех и вся, а мы — те, кого они вправе подозревать.

— Как складывались ваши отношения с системой госбезопасности?

— Уже в те времена, когда я начинал работать в разведке, трагедия нашей службы состояла в том, что все побывавшие за рубежом автоматически попадали под подозрение, и, следовательно, ими начинала интересоваться госбезопасность.

— Люди из госбезопасности находились внутри военной разведки?

— Были уполномоченные наркомата внутренних дел. Они иногда выступали у нас на собраниях — о необходимости усилить бдительность, соблюдать конспира-

Никольский в форме офицера Национальной народной армии ГДР — маскировка, необходимая для того, чтобы он мог свободно переводить своих агентов через границу

цию. Один из таких товарищей как-то пригласил меня зайти к нему на конспиративную квартиру неподалеку от Новодевичьего монастыря. После обеда и небольшой выпивки он мне и говорит: «Поступай к нам на службу, не пожалеешь». Я говорю: «Да я и так уже в разведке работаю». Он стал хитрить: «У нас другая служба, нужно выявлять внутренних врагов». Словом, вербовал меня в осведомители, но я сумел открутиться. Это занятие не для меня.

— А после войны институт уполномоченных сохранился?

— Люди из КГБ остались. Они присматривали за нами. Мы знали всех своих опекунов. Хотя меня, честно говоря, не интересовало, что этим лицам удавалось сделать в порядке внутриведомственного осведомления — кого-то завербовать, склонить к сотрудничеству.

— Офицеры разведки обсуждали действия «соседей» между собой?

— Мы считали, что это в порядке вещей. В конце концов контрразведка была достаточно самостоятельной. В принципе она должна была заниматься проникновением в разведывательные и контрразведывательные органы противника, вербовать там агентов и знать, что противники против нас замышляют.

— Военные разведчики — такие же прове-

Удостоверение офицера советской разведки Виталия Никольского

ренные люди, как и сотрудники госбезопасности, но вам почему-то все равно не доверяют. Вас это не раздражало?

— Вызывало, скажем так, легкую неприязнь. Кому же приятно знать, что на него доносы строчат? Но на практике все зависело от конкретного человека, а среди низовых работников во все годы было множество порядочных людей. Жандармской сволочи было вовсе не так много. Я всегда исходил из того, что у контрразведчиков есть свои задачи. Иногда они и в самом деле помогали нам.

— Например?

— Скажем, сразу после войны я служил в Австрии, и у меня был исключительно, на мой взгляд, полезный агент. Он служил в западногерманской разведке и давал прекрасный материал о воссоздававшейся тогда германской армии. Я ему хорошо платил. Прощаясь, чуть ли не целовались. Вдруг приглашает меня будущий председатель КГБ СССР Виталий Федорчук. Тогда он был заместителем начальника военной контрразведки наших оккупационных войск в Австрии. И Федорчук говорит: «Ты от этого агента избавляйся немедленно. Он редкая сволочь — после каждой встречи с тобой пишет начальству подробную докладную и еще от себя добавляет». Выяснилось, что начальника моего агента завербовали «соседи»... Так что Федорчук спас меня от крупных неприятностей.

— Так что, подозрительность контрразведки не была напрасной?

— К сожалению, было не так уж мало случаев, когда офицеры военной разведки бежали на Запад. В Австрии, когда я служил, американцы завербовали офицера Попова. Но разоблачили его уже позже, когда он вернулся из заграникомандировки

и успешно работал в центральном аппарате ГРУ.

— Самым крупным провалом ГРУ считается полковник Олег Пеньковский...

— Из-за него провалился мой лучший шведский агент полковник штаба обороны Стиг Веннерстрём, а мне пришлось спешно покинуть Стокгольм.

— Вы были знакомы с Пеньковским?

— Он несколько раз приходил в академию, где я обосновался после возвращения из Швеции.

— Пеньковский был кадровым офицером ГРУ?

— Да. Он работал на скандинавском направлении, потом в резидентуре в Турции. Последнее время занимался военно-технической разведкой. Он был знаком с материалами о новых вооружениях, которые добывали наши резидентуры по всему миру, и он помогал американской и британской разведкам установить наших агентов, имевших доступ к секретной информации.

— По вашим сведениям, у ГРУ были другие провалы такого же масштаба?

— Да.

— У ГРУ было больше или меньше провалов, чем у КГБ?

— Неприятная особенность нашей службы состоит еще и в том, что собственные промахи стараются преуменьшить, а заслуги — преувеличить. Мне кажется, что у КГБ провалов и побегов было больше. Но у них и аппарат значительно больше, чем у военной разведки.

— Можно сказать, что вы с «соседями» ладили?

— Я прежде всего старался не давать в обиду мой коллектив. Ведь разведка КГБ норовила «раздеть» военных, отобрать агентуру и выдать наши достижения за свои. Это у нас часто случалось: «соседи» умели кусок из-под носа урвать.

— Как это происходило?

— Резидентура ГРУ и резидентура КГБ сотрудничали. Например, я работаю долгое время с каким-то ценным для нас человеком, у нас установились человеческие отношения, чувствую: он готов к вербовке. Но прежде чем оформить наши отношения, я шел к «соседям». На всякий случай надо убедиться, что он не состоит в их картотеке. Прихожу к резиденту внешней разведки КГБ, а он делает удивленные глаза и заявляет: «Да мы с этим человеком два года работаем!» А я вижу, что «сосед» просто блефует. Ему захотелось самому завербовать этого человека, тем более что подготовительная работа вся проделана. Такие замашки — перехватить, забрать себе — вызывали озлобление.

— Нездоровое соперничество заканчивалось не в вашу пользу?

— Чаще всего КГБ своего добивался. Мы были в неравноправном положении. Они были первыми докладчиками у начальства. Так с самого начала пошло: военные разведчики получали задания и отчитывались не только у себя в разведуправлении, но и в политической разведке. После войны эту практику пытались изменить. Создали Комитет информации при Совете Министров СССР, соединив в нем ГРУ и разведку министерства госбезопасности. В комитете мы были на равных пра-

Послевоенные начальники «Аквариума»

Генерал Федор Кузнецов

Генерал Иван Серов, разоблаченный впоследствии за Пеньковского

Генерал Петр Ивашутин, который двадцать лет руководил Главным разведуправлением

Паспорт гражданина ГДР, выданный Никольскому, когда он работал в Восточной Германии

вах, но просуществовал он недолго. Нас опять развели по разным ведомствам. А руководители ГРУ сами ставили себя в подчиненное положение.

— Возможно, они чувствовали себя неуверенно потому, что слишком часто менялись?

— Да, почему-то на этом месте долго не задерживались. Каждый новый хозяин, ясное дело, стремился начисто изменить все порядки. Перед войной в центральном аппарате разведывательного управления было несколько сотен человек. А во время войны и после начались нескончаемые реорганизации: отделы сливались и вновь разъединялись, кадры то сокращали, то спешно увеличивали. Опытных увольняли, неумелых набирали. У нас есть своя академия, вакансии заполнить недолго, но любая реорганизация для разведки чрезвычайно болезненна. Впрочем, наши приходящие начальники об этом не думали. Все это были люди со стороны, строевые или штабные офицеры, кто угодно, только не профессионалы. Считалось, верно, что руководить разведкой можно, не имея ни знаний, ни опыта.

— Это касалось только высших руководителей?

— Если бы! В свое время у меня был прекрасный агент в ФРГ — депутат бундестага. Однажды мы должны были встретиться в Восточном Берлине, на нашей конспиративной квартире. Он пришел, отбарабанил на машинке все, что мы сообщать о ситуации с бундесвером, и сели мы закусить. А перед встречей мой начальник предупредил, что зайдет к нам, посмотрит на агента. И действительно — приходит. Мрачный, недовольный. Не поздоровался. Сел, закинул ногу на ногу. Посмотрел на нас, прохрипел что-то вроде: «Вы тут поосторожнее» и ушел. Я депутату говорю: «Вы моего начальника извините, его страшная зубная боль скрутила». А депутат ухмыльнулся в ответ: «Бросьте, не оправдывайтесь. Я ведь вырос в местечке, где все говорили по-польски, так что я все понял». Пришлось мне краснеть за своего генерала.

— Разведка — такое же ремесло, как и любое другое. Ему можно научиться.

— Да, но вместо того чтобы осваивать новое дело, многие наши занимались только реорганизациями, имитировали активность. На это у них и уходило силы и время. Иван Ильичев во всех работниках, вернувшихся из-за границы, видел потенциальных предателей. Серов, который пришел из КГБ, просто не любил военную разведку. Кстати, генерал Ивашутин, который до недавнего времени возглавлял ГРУ, был прежде заместителем председателя КГБ. Матвей Захаров запомнился тем, что выбил нам льготы — ускоренное присвоение званий, высокие должностные оклады.

— Не пытался ли Жуков, когда он был министром обороны при Хрущеве, придать своей разведке больший вес, уравнивать ее в правах с КГБ, укрепить тем самым свое положение и авторитет армии?

— По-моему, КГБ никогда не сдавал своих позиций.

— Роман «Аквариум» вашего младшего коллеги по ГРУ, бежавшего на Запад и взявшего псевдоним «Виктор Суворов», произвел большое впечатление на нашу читающую публику. Вообще говоря, в ГРУ должны были бы простить перебежчику все прежние грехи: это настоящий рекламный роман... В том, что он написал, есть что-то общее с действительностью? Или он все придумал? Когда берут в ГРУ, на самом деле грозят сжечь заживо в случае измены?

— Чепуха. Мы подписывали обязательство хранить военную и государственную тайну. Знали, что за нарушение обязательства привлекут к судебной ответственности. Раньше, бывало, — и к несудебной ответственности. Но пугать сожжением заживо? Боже упаси! Вот страха у нас точно не было.

— На самом ли деле ГРУ было законспирировано больше, чем КГБ?

— Разумеется, нет. Каждому военному известны и название нашей службы и ее задачи. Еще раз повторю: с КГБ мы ни в чем сравниться не можем.

— В свое время вы были начальником факультета в специальной академии. Как попадают в систему военной разведки?

— Обычно делают так: посылают в штаб округа двух-трех человек.

Они приходят к командующему, докладывают, что прибыли для отбора офицеров для учебы в спецакадемии. Командующий дает указание кадровикам подобрать подходящие кандидатуры. Смотрят личные дела, беседуют с начальниками тех, кто подходит по анкетным данным, потом для окончательного разбора вызывают возможных кандидатов.

— На вашей памяти кто-нибудь отказывался?

— Очень редко. Учеба в Москве сама по себе открывает возможность для продвижения по службе, а переход в разведку — это перспектива поехать за границу.

— Если вы встречали коллегу в том же звании, но, скажем, из оперативного управления генерального штаба — кто из вас ощущал себя более удачливым в плане карьеры?

— У строевиков и штабистов служба более видная, карьера более прямая, звания идут быстрее.

— Уходили из ГРУ в штабы или на командные должности?

— Уходили, но, как правило, не добровольно. Обычно отчисляли проштрафившихся.

— А хорошим манерам, как пишет автор «Аквариума», будущих разведчиков учили?

— Преподаватель специальных дисциплин мог, конечно, заметить, что в носу ковырять некрасиво. Но вообще-то учили оперативному искусству, конспирации, спецтехнике, а не хорошим манерам. Мы брали уже тех, кто получил высшее военное образование — причем из всех родов войск.

— Ну, чтобы совсем не разочаровать наших читателей, признайтесь, что будущих обитателей «Аквариума» учили на ходу сырнуть с поездов и стрелять с обеих рук.

— Единственное, чему нас учили, — это прыгать с парашютом. А потом и это изъяли из программы спецподготовки. Зачем разведчику все эти фокусы? Руководить партизанскими отрядами сейчас никого не посылают. Единственное, что понадобилось в оперативной работе, — это умение фотографировать.

Несмотря на разные дразги, советская военная разведка успешно работала — главным образом, за счет своего низового звена.

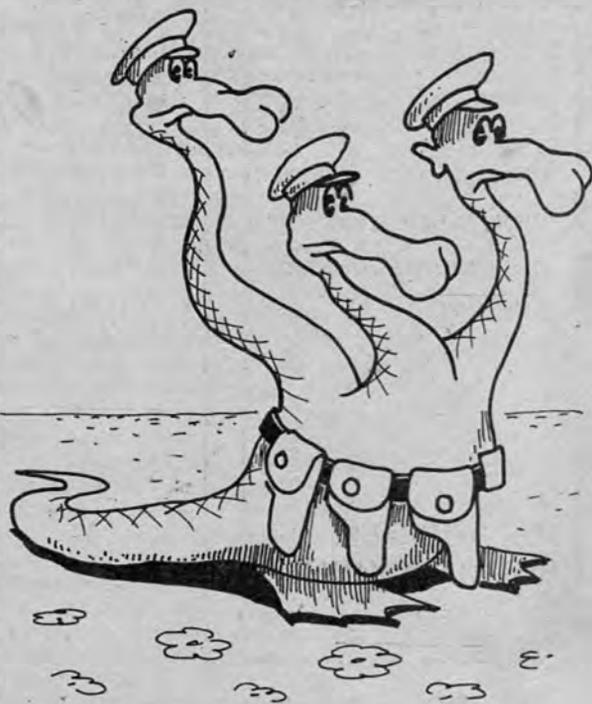

Рисунок С. Федько

Леонид Млечин,
Татьяна Чернова

И дым отечества...

Проигрывают те страны, которые поощряют эмиграцию

Паром-гигант отваливал от причала Стокгольма, и я торопился на верхнюю палубу, чтобы насладиться красотой шведских шхер. Заскочил в каюту бросить чемодан и был остановлен взглядом, в котором читался вечный вопрос: «Как жить дальше?» — «Я ведь уезжаю из Швеции, — навскидку шарахнул попутчик-финн, — 20 лет здесь провел, а теперь возвращаюсь в Финляндию».

Немногословие у финнов в крови и нарушить его могут либо выпивка, либо нечто экстраординарное. Яакко был трезв как стеклышко, но у него не было такой же ясности относительно того приема, который ему окажет родина. Слесарь, приехавший в Швецию искать счастья на автозаводе «Вольво», прилично зарабатывал, купил дом, обзавелся семьей и... оказался перед дилеммой: какую национальность избрать для своих детей. Отдать в шведскую школу — означало лишить их «финскости», что для многих финнов хуже, чем для китайцев «потеря лица». Яакко и его жена решили реэмигрировать и обратились в родное посольство.

«Весьма типичный сюжет, — уверяет Ристо Лаакконен, — сейчас идет активное возвращение граждан, искавших счастье за рубежом. Вне страны живут 1,1 миллиона финнов (население Финляндии — 5 миллионов), и они вправе вернуться на родину, воспользовавшись поддержкой финских властей. Малая часть из них имеет финское гражданство, но любому для его получения достаточно вспомнить, что бабушка или дедушка когда-то жили в Финляндии. Консульство после недолгой проверки выдаст паспорт и укажет «путь домой», подсказав, в какие учреждения обратиться за содействием в получении жилья, работы, образования. Координирует этот процесс наше министерство труда, где я отвечаю за политику в данной сфере», — уточняет специальный советник министра.

Понимая мой интерес к острой ныне для России теме реэмиграции, Ристо Лаакконен охотно делится опытом превращения болезненной проблемы в источник благосостояния как отдельных граждан, так и общества в целом. Оказывается, «исход евреев из Египта» приносит огромную пользу «Израиллю»,

простите, Финляндии. «В прошлом году вернулись 15 с половиной тысяч человек, принеся с собой знание иностранных языков, культур, рынков, — говорит он. — Маленькой Финляндии, удаленной от центров мирового развития, это помогает интегрироваться в международное сотрудничество. Мы еще слабо используем «человеческий фактор», но приток, а он особенно силен из соседних Скандинавских стран, уже позволяет нашим фирмам активнее проникать в Северную Европу».

Народ покидал Финляндию в «голодные годы»: так, до первой мировой войны уезжали в основном в Россию (77 тысяч), затем поток пошел в США (616 тысяч), Швецию (450 тысяч). Возвращается, конечно, меньшинство: родители едут ради будущего своих детей, пенсионеры хотят умереть на родине, потерявшие работу надеются обрести ее, скопившие денег мечтают открыть собственное дело... Поэтому разработана стройная система их приема, которая на ранней стадии — еще за рубежом — помогает желающим. Справочник, который дают в любом финском консульстве, излагает, как подать заявку, получить паспорт, подыскать жилье и работу, создать свою фирму, урегулировать налоговые дела, попросить помощи в социальных органах. Последняя охватывает и выдачу пособий реэмигрантам: на переезд, по безработице, на детей, по беременности, на учебу студентам, на изучение финского языка, на лечение и другие нужды.

Оговорены вопросы пенсионного обеспечения, перевода личного имущества, регистрации автомобиля, социального страхования, членства в профсоюзе, воинской обязанности, признания иностранных дипломов. Расписано, с какой проблемой в какое ведомство обращаться, приведены полезные адреса, указаны уровни квартиплаты и зарплаты в различных коммунах. «Я с болью слежу за начавшейся и нерегулируемой волной реэмиграции в Россию, — вздыхает Ристо Лаакконен. — На ней чудовищно проигрывают республики, из которых утекает обученная и энергичная рабочая сила, но и Россия пока остается внакладе, не говоря уже о самих реэмигрантах. Уверен, что, допустим, Эстония совершает колоссальную ошибку, вытесняя русскоязычное население. И напротив, ФРГ извлекает большую выгоду, принимая немцев-реэмигрантов из республик бывшего СССР, — подчеркивает советник. — По прикидкам, полтора миллиона русских готовы покинуть прежнее место жительства, а к их приему готовятся слабо. Надо бы провести срочную «инвентаризацию» ситуации в различных республиках, разумеется, в тесном контакте с их властями. Посмотреть, как помочь людям не уезжать — ведь это «неофициальные послы России», связывающие ее, как у вас теперь говорят, с «ближним зарубежьем». Уезжающих надо принять по-человечески: подыскать жилье и работу (в районах, где нужны рабочие руки), помочь транспортом, деньгами и просто теплым отношением».

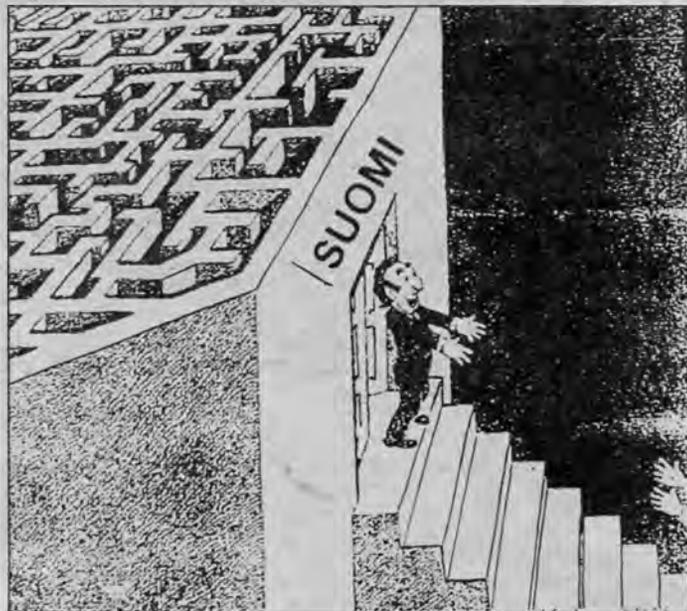
Истинны вроде бы прописные, но как их реализовать? Без «приемного аппарата» не обойтись, полагает Ристо Лаакконен. «Голова» его должна быть в Москве, будь то в виде специального министерства, как в Греции, или управления в министерстве рынка тру-

да, как в других странах. Она должна вырабатывать политику, координировать соответствующую деятельность других ведомств и иметь «руки» на местах, ибо реэмигрантов желательно расселять по всей России, а не создавать гетто в крупных городах. Конечно, требуется помощь центральных и местных органов в строительстве доступного по ценам жилья. Закон обязан предоставить выходящим из России и их потомкам право на российское гражданство и реэмиграцию.

...Утром паром вползал в тесную гавань Хельсинки, и тревожное настроение Яакко улетучилось. «Видишь, тут и вода не такого цвета, как в Швеции», — улыбаясь он.

**Александр
Полюхов,**

соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ — ХЕЛЬСИНКИ

«Добро пожаловать в Финляндию, дорогой соотечественник!»

Рисунок Яна Эрика Берглунда

Последнее эхо «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Как гром среди ясного неба воспринята в ЮАР новость об освобождении из тюрьмы бывшего офицера военно-морских сил ЮАР, долгое время занимавшегося разведкой в пользу Советского Союза

Дитер Герхардт служил коммодором на морской базе в небольшом городке Симонстад. Вечером 20 января 1983 года к нему в дом постучали. На вопрос: «Кто там?» был ответ: «Полиция».

Арестовали не только хозяина дома, но и его жену. При обыске были обнаружены все необходимые атрибуты шпионажа: мини-камера, блокноты, специальные пленки для фотографирования в вечернее время.

На суде было доказано, что супружеская чета добывала и передавала секретные сведения в Москву с 1962 года.

Последовательно, шаг за шагом,

раскручивалась цепочка. Герхардту ставилось в вину то, что в разведывательных целях он пользовался специальной техникой: радио и микропленкой. Его жена, Рут, рожденная в Швейцарии, использовала свои родственные связи, для того чтобы вывозить добытые материалы в Европу, а также на Мадагаскар, где она передавала их советским представителям. Суд признал Дитера и Рут виновными и приговорил ее к 10 годам тюремного заключения, а его — к пожизненному.

Казалось, эта история так и канула в Лету. Если бы не одно «но»... Во время визита президента ЮАР в Москву о судьбе супружеской четы напомнил Борис Ельцин, попросив Ф.

де Клерка предоставить им свободу.

Предпоследний вечер минувшей недели стал сенсационным. Сначала министр иностранных дел, а затем и сам президент заявили, что они жалуют Д. Герхардту свободу (жена по причине ее полного раскаяния была освобождена ранее). В сопровождении российских дипломатов он был доставлен в международный аэропорт в Йоханнесбурге и вылетел в Швейцарию, где, похоже, его не ждали...

В этой истории еще много невыясненного, но первая реакция на происшедшее прозвучала. Горячо приветствовал освобождение разведчика Африканский национальный конгресс. Представитель этой организации Дж. Маркус заявила, что освобожденный наверняка примкнет к АНК. Не скрывал своего восхищения происшедшим и генеральный секретарь Южно-Африканской компартии К. Хани.

Демократическая общественность страны увидела надежду, что вскоре будут освобождены все политические заключенные — ведь ЮАР встала на путь решительных преобразований.

Многие здесь полагают так: если президент страны среагировал на просьбу Бориса Ельцина и выпустил из застенков того, кто еще недавно считался злейшим врагом Претории, то почему он не может поступить точно так же в отношении 350—400 соотечественников, которые по-

прежнему томятся в тюрьмах за то, что бросили вызов ненавистному режиму апартеида. Такую точку зрения разделяют не только в АНК, в коммунистической партии и объединении профсоюзов, но и в широких кругах демократов, лейбористов.

Вот только консерваторы да крайне правые увидели в этом жесте доброй воли президента акт раболопия перед Россией, а не стремление покончить со всем, что несет на себе отпечаток «холодной войны».

Николай
Решетняк,

соб. корр.
«Нового времени»

Рисунок
Аркадия
Гурского

ПРЕТОРИЯ

Стал ли «отец нации» еще раз папой?

Сенсация в отеле «Шератон»

Малоизвестная миру «жена» президента КНДР Ким Ир Сена и рожденная от него тайно дочь, а также сопровождающие их лица — всего 6 человек — в первой декаде августа остановились в роскошном отеле, что расположен в северной части Стокгольма. В это время года здесь отдыхает особенно много богатых иностранцев, и северокорейские «туристы» старались ничем от них не отличаться. 30-летняя Ким Сон Чук вместе с мамой, дочкой и тремя телохранителями провела в Швеции полмесяца, успев истратить сумму в валюте, сравнимую с годовым бюджетом родного посольства. Пребывание в номерах-люкс престижного отеля «Шератон», поездки на «мерседесах» по Стокгольму и Гётеборгу, а главное, товарные закупки в самых дорогих магазинах серьезно облегчили «валютные закрома» северокорейского народа.

Служащая приемной отеля на все вопросы журналистов, которые прознали о пребывании северокорейских «высоких особ», отвечала, что в гостинице вообще не проживает ни один северокореец и что, по данным компьютера, среди жильцов не значилась женщина по фамилии Ким. Но вскоре, ближе к завтраку, в ресторане отеля появилась долгожданная группа упомянутых северокорейцев. Журналисты сличили фотокарточки, опознанные ранее шведскими полицейскими: ошибки быть не могло. Это были они — любовница Ким Ир Сена и его дочь Пэк Ен.

Ее мать в прошлом была незаурядной танцовщицей, стройная, обаятельная. От местных журналистов удалось выяснить, что все дни пребывания в Швеции подруга «великого вождя», официально именуемая на родине «помощником» канцелярии президента, проводила за одним и тем же занятием — совершая паломничество в модные магазины женской одежды. Именно в это время можно было установить, что шведская полиция неотступно ведет наблюдение за северокорейской группой. Видимо, существовала некая договоренность со шведскими властями об обеспечении безопасности Ким Сон Чука ее дочери.

8 августа, во второй половине дня, «высокие северокорейские гости» покинули шведскую столицу. Перед самым отбытием к подъезду «Шератона» подали три такси. В первые две машины погрузили 5 больших ящиков и 8 увесистых дорожных чемоданов, а также массу свертков. Большею частью это были бытовые электроприборы, медикаменты и продукты. В аэропорту на таможенный досмотр ушел почти час. Наконец все с облегчением вздохнули: проверка прошла без всяких эксцессов...

Поговаривают, что Ким Сон Чук может быть любовницей и Ким Чен Ира, старшего сына и «официального преемника» Ким Ир Сена. Как бы там ни было, в последние годы отношения между отцом и сыном выглядят натянутыми. Что касается самой тайной фаворитки, то она вместе с компанией, помимо мощного шопинга, успела отобедать почти во всех японских ресторанах Швеции, цены в которых низкими не назовешь. Нагруженные покупками и впечатлениями, корейские товарищи отбыли самолетом в Пекин, откуда поездом отправились на родину. Неизвестно, кто встречал их на перроне в Пхеньяне — «великий вождь» или «дорогой руководитель»?

Александр Полюхов,
собственный корреспондент «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

Говорят, что 5-летняя Пэк Ен дочь Ким Ир Сена

В начале августа 1992 года японская газета «Санкэй симбун» выступила с сенсационным открытием: «У северокорейского лидера есть незаконнорожденная пятилетняя дочь». Многие были усомнились — возможно ли такое? Ведь здоровье «великого вождя» в последние годы явно пошатнулось. Впрочем, еще в декабре 1987 года западноберлинская газета «Берлинер моргенпост», расследуя скандальное дело одного северокорейского дипломата, выдворенного из Западного Берлина за шпионаж, поведала о том, что из КНДР в столицу Австрии прибыла в сопровождении группы врачей и трех охранников беременная женщина. Впоследствии в одной из венских клиник она родила девочку. Эта информация была подтверждена австрийскими и западнонемецкими спецслужбами, и тогда многие решили, что новорожденная является внебрачной дочерью Ким Чен Ира. Но сейчас это предположение подвергли сомнению шведские разведорганы и дотошные журналисты из «Санкэй симбун».

Поговаривают, что до 70-х годов Ким Ир Сен был весьма строг в отношениях с женщинами. Однако на старости лет, когда его жизнь стала протекать на многочисленных «дачах долголетия», среди obsługi появилось много молодых гувернанток. И все же некоторые специалисты по Северной Корее сомневаются, чтобы 80-летний последний сталинский выдвиженец, которому в апреле прошлого года в одной из швейцарских больниц собирались сделать серьезную операцию на сердце, был способен стать еще раз папой. Создав страну-лагерь, даже он находится под контролем всемогущих спецслужб КНДР. Не исключено, что и «сенсация» о пятилетней дочери «отца и гения нации» не более чем «утка», выпущенная компетентными органами Северной Кореи для того, чтобы мир поверил в «отменное здоровье» престарелого северокорейского лидера.

Александр Чудодеев

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

С В Е Т С К А Я Х Р О Н И К А

Частная жизнь германского посольства

Константин Исаков

Обладателей старых дворянских фамилий или приставок «фон», «фон дер», «цу» чаще всего в Германии можно встретить среди сотрудников германского министерства иностранных дел (раньше перевес титулованных особ безошибочно принадлежал военным). И хотя сами дипломаты утверждают, что это «случайное совпадение», элитарный состав внешнеполитического ведомства Германии традиционно складывался с 70-х годов прошлого века.

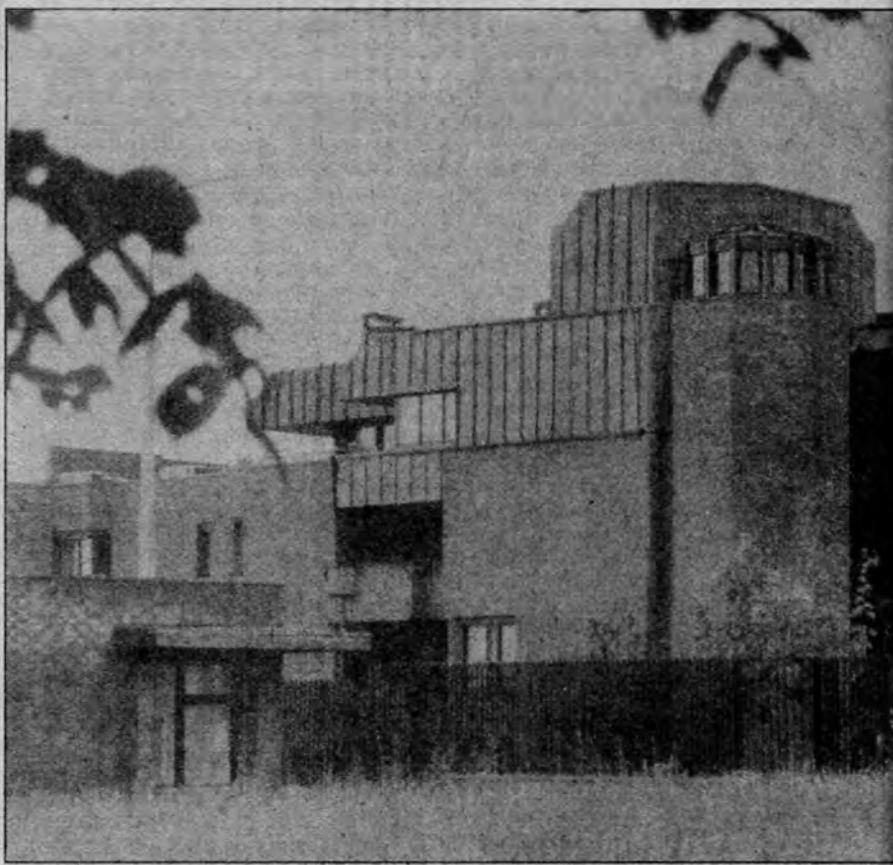
Из дворян «рекрутировали» преимущественно руководящих работников политического отдела МИД и послов. В Германии, как и в любой другой стране, политику делали аристократы. Представителям буржуазии приходилось довольствоваться службой в консульствах. Кастовость внешнеполитического ведомства и особый статус в нем чиновников сохранились и во времена национал-социализма.

Однако, с того времени как послевоенная Германия все в большей степени становилась гражданским обществом (опережая Францию и Великобританию), дипломатия утрачивает былую привилегированность.

На работу в 8-ю зону

Главным критерием теперь для отбора слушателей боннской дипломатической школы является диплом о высшем образовании и владение английским и французским языками. «Дипломатия — профессия многогранная, и здесь нужны люди различных специальностей» — так объясняли мне в Бонне. Среди сотрудников германского МИД много учителей, юристов, врачей, историков, физиков и математиков.

Те, кто в Германии выбирает карьеру дипломата, не всегда руководствуются соображениями комфорта (уровень жизни в подавляющем большинстве стран ниже, чем в Германии) или стремлением удовлетворить собственные амбиции. Кроме традиционных причин — приобщенность к мировой политической кухне, обаяние бывшего министра иностранных дел Г.-Д. Геншера — мне приходилось слышать и такое

«Бункер» на Мосфильмовской улице. Сюда вскоре переедет германское

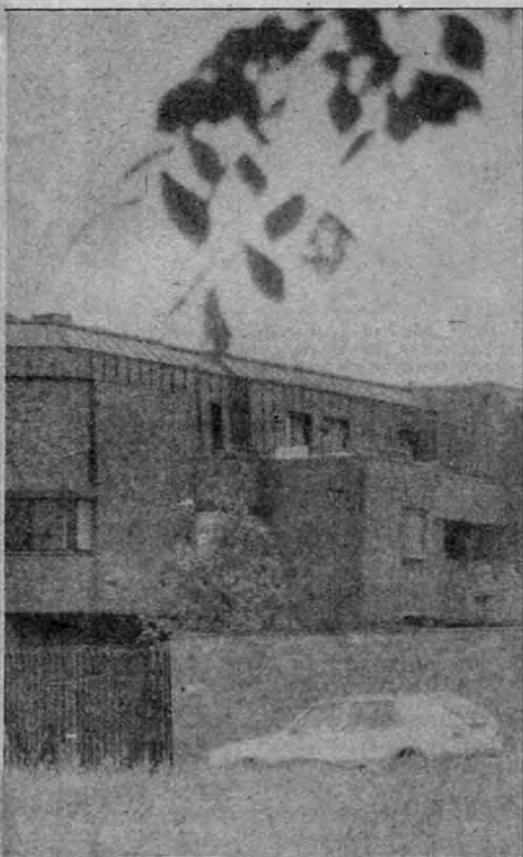
В Москве — на границе реального и нереального

объяснение: многие молодые немцы считают Германию моделью демократии и из патриотических убеждений стремятся распространить этот опыт по всему миру. Кроме того, немцам в гораздо большей степени, чем другим европейцам, свойственно любопытство.

Немаловажной оказывается и значительная зарплата госслужащих, которая зависит от условий жизни за границей. Все страны мира разбиты на 12 зон: в зависимости от климатических условий, опасности заболеваний, военных конфликтов, жизненного уровня, медицинского обслуживания — все в сравнении с Бонном. По этой шкале самым благополучным считается австрийский Зальцбург. Париж относится к 3-й зоне. Самому большому риску дипломаты подвергаются в Пхень-

яне — это 12-я зона. Москва и Рига значатся в 8-й зоне.

«Обучение в дипломатической школе длится от года до двух, после чего считается: молодой чиновник готов работать в любой стране. Как сказал мне один высокопоставленный сотрудник российского МИД, «немецких дипломатов гоняют по всему свету». Российский дипломат имел в виду не столь явно, как, скажем, у нас, выраженную страноведческую специализацию немцев и принцип частой ротации в посольствах. Новые назначения могут следовать одно за другим, дипломат переезжает из страны в страну, причем передышка на родине не всегда предусматривается. Это создает,

посольство

Фото Алексея Куоенки

оказывается, массу неудобств, в особенности для жен мидовцев.

Но германские чиновники — это мир достаточно консервативный, здесь редко вспоминают о женской эмансипации.

В Бонне пытаются следить за тем, чтобы жены дипломатов имели какую-то работу за границей, а значит, и постоянный заработок, который дает жизненно важное для немецкой женщины чувство экономической свободы. Но осуществить благие пожелания на практике представляется немногим. Не всех женщин устраивает невнимание к их личной жизни, потому они не очень-то торопятся выходить замуж за дипломатов.

В прошлом году МИД Германии издал специальный закон, где впервые были упомянуты и жены дипломатов. За невозможность работать по специальности они получали право на компенсацию (ее называли «супружеской надбавкой») в размере пяти процентов от зарплаты супруга. (Хотя речь идет о паре сотен марок, на принятии такого же закона теперь настаивают и жены немецких военных.) Однако женщины чувствуют, что их обвели вокруг пальца: ведь эти пять процентов им на руки не выдают, а перечисляют на банковские счета мужей...

Московские рецидивисты

Немецкие чиновники привержены порядку и дисциплине. Но, как говорят дипломаты, «наильно в МИД никто никого ничего делать не заставляет». В Москву едут те, кто испытывает к нам интерес и симпатию. Москва даже во времена «холодной войны» считалась местом престижным. А «полутюремные» условия работы, говорят, благотворно сказывались на практической выучке дипломатов.

Первым послом, приехавшим в Москву после установления дипломатических отношений между ФРГ и СССР в 1956 году, был Вильгельм Хаас, успевший к тому времени объездить почти весь мир. Вслед за ним пост посла занял Ганс Кролль, любитель тенниса, охоты, рыбной ловли и антиквариата. По слухам, он пользовался большим доверием Никиты Хрущева и удаивался чести выкупаться вместе с первым секретарем ЦК КПСС в его личном бассейне пицундовской резиденции.

У приехавшего вслед за ним Хорсте Грёппере сложилась репутация знатока и коллекционера русских икон. Самый лучший повар, как рассказывают, был у посла Гельмута Аллардта, который запомнился еще и своим негативным отношением к новой восточной политике кабинета Брандта—Шееля в начале 70-х годов. Его сын Александер Аллардт, работавший в московском посольстве в середине 80-х годов, остался в памяти многих, наоборот, как человек, с большой симпатией относящийся к России и россиянам.

Работа в Москве дает немецким дипломатам большие перспективы продвижения по служебной лестнице. Посол Ганс-Георг Вик, спортсмен и охотник, спустя некоторое время после возвращения в Германию возглавил федеральную разведку. Андреас Майер-Ландрут, заядлый спортсмен-конник, считающийся одним из лучших знатоков СССР и России, отбыл послом в Москве два срока и вернулся в Бонн на должность статс-секретаря в МИД.

Среди сотрудников московского посольства найдется немало дипломатов, работающих в Москве по

Д-р Энно Баркер: на московских рынках делая массу фольклорных наблюдений

второму и третьему разу. В шутку они называют друг друга «рецидивистами». Каждый из них по-своему, но со свойственными дипломатам красноречием и изяществом, объяснял причины интереса к России. Однако у меня сложилось впечатление, что многие из них определяют для себя Россию, как место, которое находится на границе реального и нереального, места, интригующего своей непредсказуемостью. В этом особенность немецкого менталитета. Любопытство и сентиментальность свойственны как рядовым бюргерам, так и выдержанным и рассудительным дипломатам.

Дипломат на баррикадах

Полномочный министр посольства доктор Эберхард Хайкен на дипломатическую службу пришел после работы в Берлинском институте политических исследований проблем развивающихся стран. Более двух десятков лет занимается германо-советско-российскими связями.

— Когда я впервые приехал в Москву в 1972 году, — вспоминает он, — в ближайший же выходной вместе с женой отправился к Кремлю. В моем воображении он представлялся мрачной, опасной, темной силой. Каково же было мое удивление, когда у его стен я увидел цветущие яблони...

Советник посольства доктор Энно Баркер считает, что ему крупно повезло: во время прошло-

годнего августовского путча он был в Москве.

— Танки стояли у дверей моего дома, — рассказывает дипломат. — Я не мог ограничиться чтением сводок информационных агентств и советским телевидением. Отправился к Белому дому, потому что испытывал к его защитникам чувства симпатии и был солидарен с ними. Помню, меня охватили не очень приятные чувства, когда люди с мегафонами начали объявлять: «Женщины и дети, разоидитесь по домам. Мы не можем гарантировать, что в следующие часы на улице не прольется кровь...»

— Что пережила ваша жена, пока вы были на баррикадах? — перебил я дипломата.

— Гизела была вместе со мной: собирала пожертвования для участников «Живого кольца»...

Энно Баркер познакомился со своей будущей женой в начале 60-х годов в Хайдельбергском университете на занятиях экзотического по тем временам русского языка. С тех пор они не раз бывали в нашей стране, объездили практически все бывшие союзные республики. Знания местного колорита и впечатления от увиденного помогают Гизеле Баркер легко справиться с переводами русской прозы, а Энно Баркеру продвигаться по служебной лестнице.

Первый секретарь Арндт Фрейтаг фон Лорингофен, из старого дворянского рода эстляндских немцев, родился в семье офицера-танкиста, воевавшего под Сталинградом, три года отсидевшего в английском плену и вернувшегося на родину с намерением строить новую демократическую Германию.

— Это был драматический поворот в сознании старшего поколения, — говорит Арндт фон Лорингофен. — Было много надежд и много иллюзий. Я вырос на идеях новой Германии, ее новой роли в Европейском сообществе.

В Оксфорде фон Лорингофен учился биохимии, в Мюнхене защитил докторскую диссертацию: «Но я вовремя понял, что не хочу всю жизнь просидеть в лаборатории».

В российскую столицу доктор фон Лорингофен вместе с женой Барбарой приехал из Франции и «сразу же почувствовал, как статичен Париж в сравнении с подвижной Москвой». Здесь, в России, германский дипломат хочет разгадать связь между большой политикой и обывателем, попытаться понять менталитет людей, населяющих пространство между Европой и Азией, которое еще недавно называлось Советским Союзом.

На рынке — как на стадионе

Немцы сталкиваются в России с массой неожиданного. Энно Баркер называет это «каждодневным риском». «Вольво» потребовался мелкий ремонт. Чтобы узнать, есть ли на единственной в Москве техстанции «вольво» нужная запчасть, надо ехать в Кунцево (дозвониться невозможно), отстоять в очереди и только тогда узнать, что искомым детали на склад не завезли.

Есть сложности и с ремонтом обуви. А потому немецкие дипломаты отправляют ремонтировать свои ботинки и туфли вместе с дипломатом в Бонн.

С большим удовольствием советник посольства Энно Баркер ходит по московским рынкам.

— Это как спортом заниматься, — говорит он. — На рынке я делаю массу

Арндт Фрейтаг фон Лорингофен: люблю джаз, хочу разгадать связь между большой политикой и российским обывателем

фольклорных наблюдений. Например, у русской продавщицы три кило картошки я куплю молча. А вот о цене на помидоры буду торговаться с азербайджанцем, потому что знаю: ему такая дискуссия приятна.

Туда — нельзя, сюда — нельзя

За последние несколько лет штат германского посольства в Москве расширился до 200 человек. Сегодня это самое большое внешнеполитическое представительство Германии за рубежом. Советник Энно Баркер рассказал мне: он случайно встретил в посольстве старого знакомого, который, как оказалось, уже полгода работает в Москве... Так велико посольство. Кстати, оно вскоре поменяет адрес. Из особняка на Большой Грузинской германские дипломаты переедут в «бункер» на Мосфильмовской улице. На освящение переезда с первым рабочим визитом в Москву прибудет министр иностранных дел Германии Клаус Кинкель...

Энно Баркер приехал в Москву впервые в середине 60-х годов. В те времена, вспоминает он, «посольство было похоже на одну большую семью». И вовсе не оттого, что дипломаты питали друг к другу нежные чувства. Общаться преимущественно друг с другом их заставляла контрразведка КГБ.

— Все контакты германских дипломатов, — говорит г-н Баркер, — с

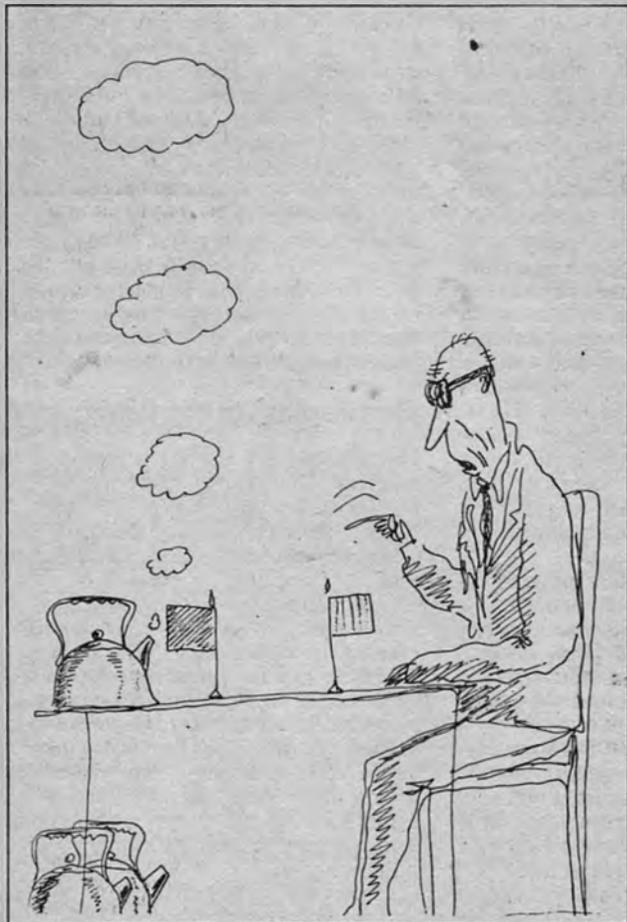

Рисунок Виктора Богарида

советскими гражданами строго контролировались. Многих телефонов мы просто не знали, а по другим звонить не рисковали, чтобы не подвергать риску собеседника.

Да и сейчас у некоторых дипломатов, рассказывали мне, «есть ощущение того, что телефон плохо функционирует не только из-за неполадок на линии»... В посольстве работают около 50 российских граждан. Энно Баркер объяснил, что беспокойства по этому поводу у него нет: «Безопасность секретов — вопрос организации и дисциплины». Но, видимо, не только.

В новом здании посольства на

Мосфильмовской на улицу выходят лишь глухие стены. Говорят, только так можно противостоять аппаратуре российской контрразведки, с помощью которой можно подслушивать разговоры направленными микрофонами через окна.

Недоумение германских дипломатов вызывают запреты и ограничения на поездки в Подмоскovie. Не так давно на подьезде к Истре машину Баркера остановил сотрудник ГАИ: оказалось, что он ехал не по разрешенной дороге.

Впрочем, шлагбаумы и проверки на дорогах не отбили у не-

мецких дипломатов охоты ходить на «блошинные» рынки, отдыхать на пляжах «Серебряного бора», Истринского водохранилища, кататься по вечерам на парходиках по Москве-реке. Тем, пожалуй, немцы и отличаются от большинства западных дипломатов, которые создали собственный мир за высокими и неприступными польскими стенами.

Немцы не пытаются отгородиться от московской суеты: «Мы приехали сюда, потому что нас интересует в первую очередь эта страна, а не коллега в соседнем кабинете».

«Терпеть и искать жилье»

После обретения Прибалтикой независимости первое германское дипломатическое представительство было открыто в сентябре 1991 года в Риге. Своего здания у посольства пока нет. Хотя ключ от довоенного посольского дома немцам уже передан, но там требуется капитальный ремонт. Восемь дипломатов занимают четвертый этаж дома на Крепостном валу в старой части города.

В кабинетах посольства небогато с мебелью. С трудом удается дозвониться до Бонна. Единственным надежным средством связи даже между кабинетами считается радиотелефон. Нет у сотрудников посольства пока и своих квартир. Все они живут в гостинице «Редзине», а потому никто не рискует привезти сюда свои семьи.

Несмотря на «примитивные условия» жизни, первый секретарь посольства Андреа Викторин считает свой приезд в Ригу большой удачей: «Редкая возможность для молодого дипломата работать в стране, которая начинает строить демократическое государство».

Викторин по образованию учитель истории. Закончила Боннский университет. На дипломатическую службу пришла четыре года назад. Латвия — ее первая заграничная командировка.

Главными качествами дипломата Андреа Викторин считает «мобильность и готовность отправиться туда, где в тебе есть большая потребность». В Риге к этим качествам она добавляет «терпение и умение искать жилье».

Гостиничные условия не позволяют пока Викторин ре-

Андреа Викторин: немцы не хотят возвращать время вспять

Старое здание германского посольства в Риге еще в ремонте

ализовать свое искусство вкусно готовить и приглашать в дом гостей. Приходится с друзьями и знакомыми проводить вечера в ресторанах, где «из-за громкой музыки невозможно ни о чем поговорить», с сожалением говорит она и философски добавляет: «Что поделать — надо привыкать к другой культуре».

В Латвии много напоминает о 700-летнем влиянии немецкой культуры.

— Достаточно взглянуть на Старую Ригу, Домский собор, собор Святого Петра, чтобы понять, как много немецкого отпечаталось в этом городе, — говорит Викторин. — Традиции, похоже, восстанавливаются.

Депутат парламента, советник министра иностранных дел Латвии Маврик Вульфсон рассказывал мне, что латыши уже почувствовали немецкую помощь.

— С моей точки зрения, немцы проявляют к Латвии инте-

рес, но и настороженность, — говорил латышский дипломат. — Ведь на протяжении прошлого и нынешнего веков латыши относились к немцам с уважением и недоверием: немец был помещиком, латыш — крестьянином. Правда, богатые латыши всегда были настроены прогермански, а латышской девушке нравилось дружить с немцем.

Когда нынешний посол в Латвии Хаген граф Ламбсдорф узнал, что директор еврейской рижской школы серьезно болен, то помог организовать покупку и доставку сердечного стимулятора. Графы Ламбсдорфы родом из Прибалтики, но нынешний германский посол, как рассказывают, не очень любит вспоминать о своих балтийских корнях.

Посол Ламбсдорф — младший брат председателя Свободной демократической партии Германии, много лет проработал военным обзор-

вателем «Шпигеля», затем — в посольстве в Москве. Его знают как хорошего семьянина, любителя музыки, театра и балета, охотника, человека общительного, деликатного и остроумного.

Русские из Прибалтики уходят. В Прибалтику возвращаются немцы?

— Ваш вопрос сформулирован в той тенденции, возвращаться к которой мы не хотим, — ответила фрау Викторин. — Немцы не хотят возвращать время вспять. То, что мы хотим, я бы назвала иначе: положительным развитием обеих культур. Сегодня в возрождении немецких традиций заинтересованы сами латыши. Нас просят помочь в создании современной демократической системы школьного образования, преподавании немецкого языка... Мы принимаем особую ответственность в этой стране, мы пришли сюда с открытым сердцем.

Фото автора

Ростовский убийца ждет приговора

Взгляд из железной клетки

Чтобы завершить «процесс века», суд удалился на совещание. На два месяца... Зачем?

Юлия Рахаева

В 1990 году исполнилось ровно 250 лет со дня рождения французского писателя маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада, который 30 лет провел в тюрьмах за убийства на сексуальной почве. А 20 ноября 1990 года был взят под стражу тот, чья страшная слава, похоже, грозит затмить славу «основоположника» садизма. Андрею Чикатило было предъявлено обвинение в совершении в период с 22 декабря 1978 года по 6 ноября 1990 года 53 убийств на сексуальной почве с особой жестокостью. «В том числе: а) 21 мальчика в возрасте от 8 до 16 лет, б) 14 девочек в возрасте от 9 до 17 лет, в) 18 девушек и молодых женщин». (Из справки, подготовленной для прессы председательствующим по делу членом Ростовского областного суда Леонидом Акубжановым.)

Двенадцать лет этот человек убивал. Ходил на службу, был исполнительным работником — и убивал. Был примерным семьянином, растил сына и дочь — и убивал. Люди, хорошо его знавшие, не смогли сказать о нем ничего плохого. С ним мечтали породниться. Все это есть в деле, состоящем из 222 томов.

Между первым и вторым убийством прошло два с половиной года. Еще не было почерка, еще только нащупывалась система. Между вторым и третьим — чуть больше девяти месяцев. И уже потом появился азарт охотника. Бывали и случаи неудачной охоты.

Он хотел нормально...

Женщины и дети требовали разного подхода. Женщины, как правило, знали, зачем он их зовет, и, если бы он мог, это не было бы даже изнасилованием... С мальчиками же он воображал себя партизаном. «Ни одного убийства я не планировал заранее», — уверяет Чикатило. Он хотел нормально, но не получалось, и тогда...

Первый эпизод, который Чикатило признал, — это убийство Любы Бирюк. 17-летней девушке было нанесено более 40 ножевых ранений. Это произошло 12 июня 1982 года.

Множественные ножевые ранения, а затем, уже у мертвых — разрезанные животы, отрезанные молочные железы, вырезанные половые органы... Именно в половых органах Чикатило видел причину своих несчастий.

Андрей Чикатило родился в 1936 году в сельской местности. Хорошо закончил школу и — единственный — поехал поступать в Московский государственный университет на юридический факультет. Не прошел. Сам считает — из-за того, что в семье были репрессированные. Окончил училище связи. Работал. Поступил в энергетический институт. Призвали в армию. Отслужив, уехал в Ростовскую область. В 27 лет женился. Появились дети. В 1964 году поступил на филологический факультет Ростовского университета, в 1970-м его закончил. Это — то, что на поверхности. А за всем этим — попытки неудачливого человека утвердиться в жизни.

Еще подростком он избегал общения с девушками из-за комплекса сексуальной неполноценности. Существуют медицинские свидетельства того времени, что Чикатило был «склонен к эротическим фантазиям садистского характера». Все это вполне соответствует утверждению отца психоанализа Зигмунда Фрейда о том, что корни всех отклонений взрослого человека от нормы следует искать в воспоминаниях о его детских сексуальных переживаниях.

Профессия — воспитатель

Еще за несколько лет до первого убийства, работая воспитателем в школе-интернате города Шахты, Чикатило, говоря языком документов, совершал по отношению к воспитанникам развратные действия. Как он сам объясняет, на него подействовали

царившие там ужасные нравы. Почему же эти факты всплыли в виде свидетельских показаний лишь много лет спустя? Я помню, у нас в школе учительница ударила мальчика по рукам линейкой — так такое было! А тут — развратные действия, и ничего?! Может быть, все дело в том, что дети — интернатские, в основном из неблагополучных семей?

Развратные действия по отношению к малолетним уголовно наказуемы, и попади тогда Чикатило в руки следственных органов — кто знает, скольких преступлений могло не произойти...

Убийства совершались одно за другим. И надо было что-то делать. Что-то и делали. За преступления, совершенные Чикатило, в разное время были привлечены к ответственности около 15 человек. Все они во время следствия признавали свою вину.

Один, тридцатилетний Александр Кравченко, в 1984 году был осужден и расстрелян. Он не был безвинным агнем. В свое время совершил подобное преступление и отбыл наказание. Жена и подруга жены подтверждали его алиби, но потом стали путаться в показаниях. Этого оказалось достаточно, чтобы лишить жизни невинного человека. И теперь уже никто не узнает, как были добыты его признания несуществовавшей вины... Так происходило и во время знаменитого витебского дела. Подлинного преступника следствие найти не могло, поэтому сажало на скамью подсудимых безвинных людей.

Украл аккумулятор — нашли. Убил — найти не могут

Были созданы следственные группы, одну из которых в 1985 году возглавил заместитель начальника следственной части Прокуратуры РСФСР Исса Костоев. Они проверили множество мужчин с общей, как они считали, с убийцей группой крови, что увело расследование в сторону и сильно его затормозило. В 1989 году следственная группа была создана на Украине. И все это время, с 1984 года, в Ростове работала группа Виктора Буракова. Она была ближе всех к успеху, потому что ей помогал психиатр Александр Бухановский.

В 1984 году, когда 23 убийства уже были совершены, президент лечебно-реабилитационного научного центра «Феникс», кандидат медицинских наук Александр Бухановский выполнил проспективный портрет преступника. Угадал, как потом подтвердилось, все: рост, возраст, поведение, болезни — вплоть до одежды и портфеля с орудиями преступления. Бухановский отверг версию о том, что убийца — гомосексуалист (чем спас многие и многие, если не жизни, то судьбы этих изгоев общества).

Если бы тогда на основании этого словесного портрета создали хотя бы приблизительный фоторобот и все это вместе как можно шире распространили... Но до задержания Чикатило оставалось 6 лет и 30 преступлений.

А ведь в том же, 1984 году Чикатило был взят под стражу и осужден... за кражу аккумулятора для своего автомобиля. И его проверили, как проверяли всех мужчин с четвертой группой крови, полагая, что она должна соответствовать такой же группе спермы убийцы. Но у Чикатило группа крови оказалась иной, и он, получив свое за украденный аккумулятор, был отпущен. А возьми тогда на экспертизу любое другое выделение — да хоть слюну... Но кто мог распорядиться это сделать, когда и сегодня у нас продолжают отрицать то, что мировой науке уже давно известно как «парадоксальное выделение» (группа крови одна, а группа иных выделений — другая). И даже (забегу вперед) адвокат Чикатило, сославшись на анонимный зарубежный авторитет, сказал, что такого резкого различия между группой крови (II) и спермы (IV) быть не может. Вот так. Есть — но быть не может.

Опальный психиатр

Из письменных показаний Александра Бухановского: «... 29 ноября 1990 года... меня неожиданно вызвали из клиники и объяснили, что задержан именно тот, кого столько лет искали... Уже к середине первого дня он впервые в жизни заговорил о том, что с ним происходило, о первом убийстве... о своей тяжелой жизни и о многом другом. Со следующего дня, насколько мне известно, он начал сотрудничать со следствием...»

Бухановского пригласили тогда, когда уже истек срок содержания Чикатило под стражей. Прямых улик против него не было. Признаться он не собирался. Следствию предстояло отпустить его за отсутствием улик...

Наверное, судом руководили опасе-

ния, что психиатр «потянет одеяло на себя», иначе чем объяснить, что Бухановского сделали обычным свидетелем, не допустив к процессу в качестве эксперта?

Не пропадет ли у него желание помогать следственным органам и дальше? А ведь Чикатило не первый, но и не последний убийца из этого ряда.

Железная клетка в зале суда

14 апреля в Ростовском Доме правосудия — такая громкая надпись украшает фронтон местного областного суда — началось разбирательство по уголовному делу «Лесополоса». Чикатило предпочитал убивать именно в пригородных лесополосах.

Судебное заседание было открытым. Это далеко не правило, чаще уголовные дела, связанные с сексуальными преступлениями, закрывают для публики и прессы. Но такого подсудимого еще не знал ни один суд мира. Вернее — совершившего такое количество убийств, по-

Горе близких — его не измеришь никакой мерой наказания. Даже высшей...

тому что подобного рода преступники появляются в разных точках земного шара, независимо от степени развитости государства и его общественного строя.

В первое время зал суда был полон. Председательствующий Леонид Акубжанов даже ввел специальные пропуска для прессы, которая следила за тем, что происходило в зале. Крики несчастных родителей... Выходки подсудимого... Бесстрастное перечисление кошмарных подробностей каждого из убийств... Сбивчивые свидетельские показания...

10 августа слово было предоставлено представителям государственного обвинения. Два прокурора, сменяя друг друга, говорили более трех часов по солидным конспектам.

Перед тем как дать слово прокурорам, Леонид Акубжанов, по его словам, «сделал выдержку для прессы»: Чикатило был приведен в зал и помещен в свою железную клетку. Кроме прессы и специалистов — юристов и медиков — в зале никого не было.

В Ростове многие к августу успели забыть об этом суде, другие же и вовсе о нем не знали. Город волновало повышение цен на хлеб, слухи о том, что скоро станут бесплатными телефоны-автоматы. Люди стояли в очередях за сахарным песком по 68 рублей за килограмм, за сухим молоком, покупали на рынке избыточные в эту пору фрукты и овощи. Самый большой зал суда, где заканчивался процесс века, был практически пуст...

Чикатило спел «Интернационал», прокричал здравитцы украинскому Руху, упрекнул кого-то по-украински в черновицкой трагедии — и был выведен из зала.

Прокуроры требуют высшей меры

Анатолий Задорожный начал, как и я (а точнее — я, как и он), с маркиза де Сада, чтобы показать, насколько не нова проблема удовлетворения сексуальных потребностей садистскими методами.

«Вы, товарищи судьи, ничем не связаны. Вы вольны признать, что перед вами больной человек. Или он здоров, и тогда — высшая мера», — этой фразой первый и, судя по возрасту, более опытный прокурор обнажил суть того, что привлекло к этому процессу внимание специалистов. Он рассказал об огромном желании Чикатило жить, о его подозрительности: однажды, когда его куда-то везли, дорога была длинная, а машина — неудобная, ему предложили побегать, размяться. Чикатило отказался, сказав, что охрана только и ждет, чтобы убить его при попытке к бегству.

Уже в выступлении Анатолия За-

дорожного обратило на себя внимание то, что потом во множестве прозвучало и у второго прокурора.

Один эпизод — неопытная девушка «нерусской национальности». Другой — психически неполноценная девушка. Третий — женщина легкого поведения, к тому же заразившая Чикатило лобковой вошью (этот факт Чикатило яростно отрицал, его страшно обидело: как могли подумать, что с ним могло произойти такое). Четвертый эпизод — пьяная женщина...

Описание страшных убийств продолжил Александр Куимжи — и снова: женщина легкого поведения, вступившая в половую связь с Чикатило за алкоголь. И опять — пьяная женщина. И снова — умственно отсталая девушка, психически больной мальчик, девица легкого поведения в состоянии алкогольного опьянения, к тому же — из банды. Женщина, состоявшая на учете в наркологическом диспансере. Мальчик, учившийся во вспомогательной школе. Последний эпизод — убийство гражданки Коростик, 1968 года рождения, женщины легкого поведения, дебилки, бродяжки... Чикатило выбирал самых убогих? А может быть, воображал себя санитаром человечества?!

В нескольких эпизодах убийству сопутствовало мелкое хищение. Здесь позиция возмущенного Чикатило совпадала с позицией государственного обвинения: он не вор, а садист-убийца! Александр Куимжи рассказал еще об одной особенности подсудимого: о его высокой метеочувствительности. «Львиную долю убийств он совершал накануне изменения погоды — «и дождь смывает все следы»!

Учитывая то, что Чикатило полностью отдавал отчет в своих действиях при совершении тягчайших преступлений и что он представляет для общества исключительную опасность, обвинение попросило определить ему исключительную меру наказания — смертную казнь.

На поводу у общественного мнения

11 августа слово для защиты было предоставлено Марату Хабибулину. Но сам подзащитный его не услышал: побушевав и спустив штаны, он был вновь, как и накануне, выведен из зала.

Адвокат обвинил суд в том, что тот так и не смог избавиться от комплекса предрешенности. Сказав, что это дело не может не потрясти ни одного нормального человека, он заметил, что суд тем не менее не имеет права руководствоваться тем,

Александр Бухановский. То, что он сделал, возможно, оценят в ближайшем будущем

что думают, говорят и пишут о подсудимом. А суд, по мнению адвоката, пошел на поводу у общественного мнения и ему не удалось сохранить объективность. Точка зрения, что перед судом предстал изувер, которого надо уничтожить, как прессом, придавила суд.

Кроме того, Марат Хабибулин рассказал, что Чикатило избил дубинками в зале суда; что ему не была предоставлена квалифицированная медицинская помощь (подсудимый постоянно жаловался на головные боли, галлюцинации, бессонницу). Было нарушено и право на защиту — подсудимому отказали в просьбе раз в день по полчаса знакомиться в камере с документами. На поведение Чикатило в суде, по мнению адвоката, могло подействовать и то, что его близкие были вынуждены поменять фамилию и переехать в другой город.

Государственное обвинение потребовало для подсудимого смертной казни — это было бы справедливо, если бы, во-первых, все было доказано. И во-вторых — если бы обвиняемый был вменяем. На потрясении этих основ обвинения и построил свое слово для защиты адвокат, говоривший полтора часа без бумажек.

Адвокат потрясает основы

Марат Хабибулин довольно убедительно развалил доказательства государственного обвинения по некоторым эпизодам. Так, совершенно неожиданно выяснилось, что свидетельница, на основании показаний которой был осужден — а потом и

Чикатило во время следственного эксперимента. Рука не дрогнет!

казнен — Александр Кравченко, фигурирует и в деле Чикатило. Эта женщина готова свидетельствовать против каждого подозреваемого?! А чего стоят свидетельства людей, видевших, как пожилой мужчина насильно ведет куда-то явно незнакомых с ним мальчиков и девочек? Адвокат предположил, что нормальный человек повел бы себя иначе, не остался бы безучастным, но крайне выгодным для следствия и суда свидетелем.

Но самым главным в речи адвоката было серьезное сомнение в доказанности вменяемости Чикатило.

Нельзя опираться на мнение по этому вопросу одной школы, тем более такой тенденциозной, как институт Сербского, считает Марат Хабибулин. В свое время в институте занимались не столько наукой, сколько политикой, признавая невменяемыми многих известных диссидентов. Кстати, один из сотрудников института Сербского поведал прессе, что результаты исследований указывают на органическое поражение головного мозга Чикатило.

Одним из самых сильных мест в речи адвоката была ссылка на мнение бывшего председателя военно-психиатрической комиссии МВД СССР Михаила Виноградова: «Понятие вменяемости включает в себя две составляющие: способность человека отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Чикатило, безусловно, отдавал себе отчет в происходящем, но мог ли он руководить своими поступками в определенный момент, медикам пока неясно».

Наши методы психиатрической экспертизы и техническое оснащение института имени Сербского,

единственного подобного учреждения в стране, не позволяют объективно решать вопрос о вменяемости в сложных случаях. Лет двадцать назад в США к электрическому стулу приговорили двух садистов, совершивших множество преступлений на сексуальной почве. Приговор был отсрочен, так как преступники дали согласие на дополнительное медицинское исследование — вживление в мозг электродов.

Врачи наблюдали их несколько месяцев и зафиксировали в структурах мозга мощные биоэлектрические разряды, предшествовавшие вспышкам агрессии, которым преступники просто не могли противостоять. Это были своеобразные виды эпилептических судорожных припадков, не проявляющихся внешне. То же самое, думаю, можно было бы сказать о Чикатило».

Не наказание, а меры медицинского характера?

Много лет назад журнал «Новый мир» поместил целый ряд статей крупных ученых о природе добра и зла в человеке, о корнях преступления и целесообразности наказания. В статье профессора Шаргородского «Этика или генетика?» некоторые мысли показали мне любопытными в связи с делом Чикатило. «Там, где общественно опасные действия личности вызваны биологическими факторами, там нет ни преступления, ни наказания... Там к человеку применяется не наказание, а меры медицинского характера... Человек не может быть признан ответственным ни за свои биологические особенности, вызвавшие его действия, ни за свои психо-

логические качества, вытекающие из биологических свойств».

В конце XIX века итальянский психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо предположил, что существуют люди, предрасположенные к насилию из-за определенных биологических отклонений.

Зигмунд Фрейд, который был невысокого мнения о человеке вообще, считал, что у него «всегда есть искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессивности... При благоприятных обстоятельствах... агрессивность проявляется спонтанно: спадает покров, скрывающий в человеке дикого зверя, которому чужда пощада к представителям собственного рода...». Но даже и у Платона, который вроде бы был всегда доступен, есть мысль о том, что в душе каждого человека незримо дремлет дикое, звероподобное начало, которое стремится к удовлетворению своих самых страшных, беззаконных и диких вожделений.

Веками философы спорили, может ли разум управлять страстями. Декарт считал, что человек приобретает абсолютную власть над страстями посредством своей воли. Спиноза — что эта власть не безусловна. Юм же полагал, что разум — лишь раб аффектов. И ведь все они вели речь о норме! В случае же с Чикатило о норме и говорить не приходится. Вопрос лишь в том, подсудна ли его патология с точки зрения человеческих законов.

Ровно за 200 лет до задержания Чикатило маркиз де Сад был выпущен на свободу. «Обнаружив признаки умопомешательства» — так у Брокгауза и Эфрона.

В тот же день, когда прозвучало заставившее задуматься многих, в том числе, надеюсь, и специалистов, слово для защиты, подсудному было предоставлено последнее слово. Нельзя сказать, что он от него отказался — просто сидел, склонившись на один бок, и молчал. Когда это молчание стало явно затянувшимся, суд удалился на совещание. И сразу после этого в Чикатило полетела металлическая болванка — самосуд пытался свершить брат одной из замученных садистом жертв. Видимо, других родственников в тот день в зале не было...

14 октября 1992 года в Доме правосудия Ростова-на-Дону судом под председательством Леонида Акубжанова будет вынесен приговор. Напомню: государственное обвинение требует смертной казни. Адвокат — полного оправдания. Две крайние точки зрения. Между ними — не истина, а, как хорошо сказал кто-то, проблема. По силам ли окажется справиться с этой проблемой трем ростовским юристам?

РОСТОВ-НА-ДОНУ — МОСКВА

Фото Александра Поганова

Эпистолярные

Татьяна
Иванова

Избранные
места из
переписки
Руслана
Имрановича с
Егором
Тимуровичем

Пока вы тут то да сё, Хасбулатов Гайдару наложил резолюцию. А Гайдар Хасбулатову написал в ответ на эту резолюцию письмо. И резолюция председателя Верховного Совета так понравилась издаваемой Верховным Советом «Российской газете», что газета ее опубликовала.

Дело, согласитесь, неурядное. Может, новый жанр. Эти тексты, начертанные рукой руководящих товарищей наискосок какого-нибудь заявления, прошения, докладной какой-нибудь, либо коллективки... Эти несколько решительных строк... Это факсимиле... Не теряем ли мы слишком много, не предавая их публичности, гласности? А вдруг которая-нибудь из них, резолюций, окажется и сильнее, чем «Фауст» Гёте?..

Видимо так, или примерно так рассуждали в газете, когда познакомились с резолюцией Хасбулатова на обращение МСПС. Ах, вы не знаете, что такое МСПС?

Когда перестал существовать СССР, поделился и СП СССР. И из него образовались ССП, СРП, СЛР, СП РСФСР, РТСД, АДП, СПМ и СПСП. Здесь перечислены только организации, зарегистрированные министерством юстиции России. А еще есть МСПС, не зарегистрированное министерством. Вот это, которое незарегистрированное МСПС, решило взять себе имущество СП СССР. И мысль, конечно, очень хорошая, она всем в МСПС сразу понравилась. А в ССП, СРП, СЛР, РТСД и так далее понравилась не всем. Точнее сказать, всем не понравилась. Потому что каждая из аббревиатур претендует на часть имущества. И еще претендуют СП Украины, СП Беларуси, СП Литвы — множество претендентов.

А надо вам заметить, что за всеми этими красивыми аббревиатурами скрываются не какие-нибудь организации, а писательские. Это наши люди, доводы и душелюбия, совесть народная, инженеры человеческих туш объединились по вкусам, убеждениям, интересам, и образовались Союзы писателей, Союз российских писателей, Союз литераторов России и прочие

разные союзы. Народ все темперamentный. Что до МСПС, то здесь вообще... Оно расшифровывается-то «Международное сообщество писательских союзов». Но писатели стран Балтии и Закавказья, писатели Украины, Молдовы, Беларуси, писатели Москвы и Санкт-Петербурга в МСПС не входят. Входят же мощными колоннами с красным флагом, духовым оркестром, скипетром и державой наши славные заединчики под командованием классика советской литературы Бондарева Ю.В. И еще, если верить «Российской газете», в МСПС входят «СП Государств Казахстана и Средней Азии, а также писательские организации бывших автономий».

Легко предположить, что это в самом деле самый многочисленный отряд советских писателей. Ну, потому что в заединчики принимают в тот миг, когда соискатель поклянется, что не читал романов лучше бондаревских. А в Средней Азии — не знаю, как в «государствах Казахстана», — вообще, говорят, очень высокая рождаемость. Тем более какой-нибудь Гранин, Вознесенский там, или Бакланов прокормились бы и без наследства, и так богатенькие, книжки свои, чай, бегом издают. А в МСПС людям чем кормиться? Наследства не получишь — голодная смерть... Потому МСПС решил все наследство взять себе. Логично? Логично.

Но тут правительство вмешалось. Распоряжение выдало за подписью Гайдара. Вся собственность бывшего Союза писателей СССР, находящаяся на территории России, поступает в ведение Госкомимущества. А все зарегистрированные министерством аббревиатуры вместе с другими заинтересованными аббревиатурами, в том числе и МСПС, создают согласительную комиссию и делят все обоснованно, законно и по справедливости.

Издавая это распоряжение, правительство учитывало нравы в писательской среде. Оно понимало (правительство), что иначе — мордобой. Оно только другого не понимало. Оно не понимало, чего заединчики могут нагородить, если им наступить на хвост.

Всё. На хвост наступлено. Процесс пошел. Цитирую газету: «...оставлены рабочие столы, отложены рукописи». Из-за чего? Из-за правительства Гайдара, которое «намерено до конца развязать духовное пространство народов и литератур». И МСПС предупреждает: борьба будет жестокой.

Этот взволнованный текст вручен главе российского парламента. И вот на нем-то и начертана та самая резолюция: «Е.Т.Гайдару. Прошу пересмотреть решение: и без того много противников. Писатели всех республик стремятся к реальному единению, чего мы, политики, еще не в состоянии сделать. Что Вам дает это решение? Кто Вас науськивает? Зачем провоцировать общество, интеллигенцию? Вы думаете об этом? Отмените Ваше распоряжение и дайте возможность литераторам спокойно работать. У Вас мало иных проблем?»

Ну что тут комментировать, в резолюции Руслана Имрановича? Спрашивать, у кого «много противников»? Спрашивать, почему он думает, что их (у кого-то) станет меньше с «отменой решения»? Спрашивать, что «не в состоянии сделать» политики? В самом ли деле Руслан Имранович хотел сказать, что политики «не в состоянии стремиться»? Объяснить ему, что негоже спрашивать главу правительства России, «кто Вас науськивает»? Вообще пытаться ему втолковать, что не может порусски существовать такое вопросительное предложение на письме, где «Вас» с большой буквы рядом с глаголом «науськивать»?.. Ой, не надо было газете обнародовать сию эпистолу.

А Гайдар ответил. Его письмо опубликовано в газете «Литературные новости».

«Уважаемый Руслан Имранович!» — так начинается письмо. А дальше внятно, просто и дельно изложена суть. В письме никаких обид, никаких слов типа: «никому не позволим в таком тоне» или «кто дал вам право». Их нет — хотя они вполне могли бы быть, потому что ведь, в самом деле, права никто не давал... Кончается письмо так: «Должен отметить, что Правительство России никого не «провоцирует» и не подвержено чьим-либо «науськиваниям». Е.Гайдар».

Мне было озарение

Вячеслав Басков

Ж

ить станет радостней, если меньше волноваться, друзья. Вот знаменитая поэтесса Анна Ахматова сказала: «Мне голос был». Это, знаете, выход: в трудное время подождать — вдруг голос снизойдет?..

Замок

Одно из моих последних переживаний — дверной замок. Ни с того ни с сего он стал плохо открываться. Приходишь из редакции, суешь ключ в щелку, а язычок не двигается. Передам ли чувство полного отчаяния, когда стоишь на лестничной площадке перед собственной дверью и войти в квартиру не можешь? Когда заело первый раз, я поставил дипломат на пол и стал очень осторожно пробовать поворачивать. Ключ поворачивался почему-то только на пол-оборота. Я пытался вспомнить, что с замком сделал такого, — но я не делал ничего: уходя, закрывал дверь, приходя — открывал.

На другой день ключ опять не поворачивался с первого раза. И, как в прошлый раз, пришлось ставить на пол дипломат и старательно поворачивать ключ, добиваясь полного оборота. При этом нужно не нервничать и несильно нажимать на ключ, потому что он может сломаться и зубчики останутся в замке, а кругляшка у тебя в руках.

На третий день ключ просто отказывался поворачиваться. Я и тянул дверь на себя, и отталкивал от себя, и производил эту операцию одновременно с поворотом ключа. Я поклялся, что как только войду в квартиру — если войду! — почию замок. Разберу его на части и посмотрю, как он устроен. Только поклялся — ключ сразу повернулся.

Но я не умею чинить замков. Я понятия не имею, как они устроены. Тогда в благодарность за то, что ключ повернулся на мою клятву, данную в отчаянии, я клятву переменял: поклялся призвать специалиста. Назавтра я отправился в «Металлоремонт» у Никитских ворот.

Я рассказал молодому человеку все, что происходит с замком. Какой в нем раздается звук, когда поворачиваешь налево, направо, — все описал.

— А где ваш замок? — спросил молодой человек.

— Дома.

— Ну, несите его сюда. Заочно я сказать ничего не могу. Мне нужно увидеть замок, — спокойно сказал молодой человек.

Я пытался убедить его, что замок в двери, другого замка в двери нет, запереть квартиру будет не на что.

— Вы не смогли бы пойти со мной? — спросил я молодого человека.

Мастер посмотрел на меня мельком.

Или несколько способов выжить в наши трудные времена

— Вы квартиру боитесь оставить открытой, а я куда мастерскую дену? Так и буду ездить по квартирам чинить замки? Мы на дом не ездим.

Из мастерской я приехал домой в совершенно угнетенном состоянии. Замок — ладно! Но тут еще генерал Лебедь выступил с угрозами, Руцкой зачем-то в Испанию поехал, Горбачев сделал заявление о том, что независимые государства должны объединиться в Союз. И еще замок.

Я стоял перед дверью и думал так: всё. Если с первого поворота не откроется, — ломаю дверь. Разбегаюсь — и ломаю. Если бы генерал Лебедь не сделал заявления с угрозами, Горбачев сидел бы тихо на своей льготной даче, Руцкой не ездил бы в Испанию, а Хасбулатов не пытался задушить прогрессивные «Известия», отчаяние мое перед закрытой дверью было бы меньше. Но в этой жизни одно накладывается на другое. Замок, видимо, думал так же: он, естественно, не открылся.

Я пытался вникнуть в него, понять, как

Рисунок Ирины Гишкова

он может быть устроен, что в одну прекрасную минуту ключ не поворачивает его. Замок — сложнейшее изобретение человеческого интеллекта! Это видно по ключу: в нем особую роль играет расположение зубчиков, какой-то желобок. Постичь устройство замка я пытался еще накануне ночью, когда не спал от предчувствий завтрашнего вечера, когда буду вот так стоять перед дверью.

Жизнь кончилась. Она вся сосредоточилась в дверном замке, тайну которого разгадать мне было не дано. Я взял себя в руки из последних сил и начал поворачивать ключ вправо-влево. При этом я забыл, в какую сторону всегда его поворачивал, чтобы открыть дверь, а в какую — чтобы запереть.

Дверь я ломать не стал, а ключ перестал жалеть: пусть, думаю, ломается! Черт с ним! Но ключ оказался прочнее, чем я думал: у меня заболела рука, а ключ не гнулся. Вдруг дверь открылась.

Войдя в дом, я принял лекарства: валерианку, валидол. Я ничего не мог делать, не мог смотреть телевизор, передо мной стояла одна неисполнимая задача: где найти человека, который согласился бы приехать к двери и починить замок.

Я был без сил. Я лежал, не в силах подняться. И я уснул. А проснувшись, я увидел, что за окном — ночь. Невысоко в небе, прямо перед моим носом, висела сиреневая луна. И тут мне было озарение.

Я взял флакон «масла смазочного бытового», которое раньше стоило 17 копеек, и влил его в замок спереди, сзади, сбоку, где высовывается язычок — всюду, где есть щели. Смазал даже сам ключ, но это было уже лишнее. Замок стал поворачиваться от малейшего прикосновения ключа.

Жизнь стала радостнее. Я понял, что если бы я был генералом Лебедем, то тоже сказал бы что-нибудь о войне, потому что это была бы моя работа, без которой я круглый нуль. На месте Ручкого я бы тоже слетал в Испанию, потому что лето, и в Москве предпутчно, и над душой стоит сельское хозяйство. А если бы я был Горбачевым, то непременно говорил бы о создании Союза Независимых Государств, потому что между Содружеством и Союзом нет ни малейшей разницы: здесь только важно, кто первым скажет новое слово.

Союзка

Весну мне отравил левый полусапог: он стал протекать. Верх полусапога отошел от подметки, образовалась щелка.

В мастерской на Сретенке в один из вечеров было столько народу, что я решил не стоять в очереди. Кроме того, там так гремела музыка, что люди стояли одуревшие, и я вышел оттуда, взявшись за голову.

В мастерской на

Неглинной ревели станки и гремела музыка, и я не мог сказать мастеру, что нога мокнет: он понял это, взяв в руки полусапог. Я не слышал, что он сказал, но только мотал головой и вернул мне полусапог.

Эти два визита к специалистам отравили мне жизнь. О покупке новой обуви просто речи не идет, потому что новые полусапоги стоят два месячных оклада. Я перестал радоваться жизни, я только с радостью огорчался. Каждый вечер я ждал заявления генерала Лебедея, какого-нибудь выступления Ручко-го, заявления Горбачева, указа Ельцина, выходки Хасбулатова. И предчувствия сбывались. Жизнь становилась невыносимой — и все из-за левого полусапога и будущей зимы.

Летом я завернул полусапог в газету и понес его в мастерскую на Кропоткинской. Тихая такая мастерская, думаю, вдруг починят? В мастерской не было ни души, гремела музыка, и за прилавком стоял молодой человек. Тогда я набрался смелости и попросил его сделать радио потише. Он взглянул на меня

мельком, отошел в угол, отодвинул какие-то банки, бутылки, коробки на столе и там что-то покрутил. Сделалось тихо, и тут мы с ним поговорили по душам. Молодой человек внимательно осмотрел щель между верхом и подметкой, проникся моей признательностью к подметке, которая и двенадцать лет после покупки полусапог была, как новая, потому что она из какой-то жуткой синтетики. И он сказал так: вы, говорит, оставьте сапог, денег мне не надо, придут завтра мастера, я им все расскажу и они решат, можно починить или нет, а вы придите дней через десять. Он мне выписал квитанцию, спросил мою фамилию. Я ушел от него счастливый. Какие хорошие у нас есть мастера, какие человечные, думаю я. Он еще сказал, что я заплачу только в том случае, если мне понравится работа. Это не могло не умилить.

Через десять дней я пришел в тихую мастерскую — за прилавком ходила полная женщина в халате. Того молодого человека не было. Женщина взяла мою квитанцию и было ушла, читая квитанцию на ходу, но я

Рисунок Марата Гишрова

увидел мой полусапог прямо перед прилавком.

— Он тут! — крикнул я во всю силу легких.

Женщина услышала, вернулась и, повинуясь направлению моего указательного пальца, взяла с тележки полусапог. Она бросила его на прилавок и что-то говорила, презрительно ковыряя пальцем щель, расширяя ее еще больше. Я крикнул ей, чтобы она приглушила радио. Она посмотрела на меня удивленно, пошла в угол, отодвинула банки, коробки, бутылки и покрутила какую-то ручку. Стало тихо. Она сказала мне, что верх полусапога называется союзкой и что, в частности, моя союзка отлетела безнадежно, пришиты к подметке ее нельзя и надо менять всю союзку — тут она провела своим мозолистым пальцем по периметру носка, отрывая союзку от подошвы.

— Вот видите, — сказала она, — у вас тут все уже не держится.

Союзка, объяснила женщина, будет стоить рубль пятьсот. Но у нее все равно нет такой союзки.

— Не ковыряйте пальцем, — попросил я. — Мне еще ходить и ходить в этих сапогах.

Женщина обиделась на мое замечание и ушла.

По дороге домой я не хотел жить. Я просто не смогу выйти из дому поздней осенью, думал я, так стоит ли растягивать мучение? Но дома я решил, что перед смертью можно попробовать сапог сшить. Я расстелил на столе газету, положил на нее полусапог, вник в устройство стельки. С помощью шила, простой иголки, в которую проткнул учетверенную нитку, сшил союзку с подметкой. Когда союзка примкнула к подметке, я промазал верх шва и внутренность сапога клеем. Через день я испытал обувь на прочность: опустил полусапог в таз с водой. Он не промокал.

Это было озарением, вернувшем меня к жизни. Озарение заключалось в мысли сшить союзку с подметкой.

О пользе озарений

Озарения в жизни бывают редко. Но когда они случаются, то приносят радость.

Как-то я возвращался домой поздно вечером, и путь мой лежал мимо небольшой свалки, каких теперь много между домами. Луна озарила красивую деревяшку — что-то с ножками. Мебели сейчас в магазинах нет, нам доживать с тем, что купили родители когда-то. Я подобрал деревяшку, и оказалось, что это поддон старинного шкафа. Я его вымыл губкой с мылом, приделал одну ножку, покрыл лаком, настелил на фанеру тонкий слой ваты и натянул кусок ткани — получилась невысокая банкетка. А ткань я прибил гвоздиками с медными шляпками.

Очень красивая вышла штучка. Иногда хочется посидеть на чем-то низком. Она, как теперь взгляну на нее, серьезно нивелирует поведение генерала Лебеда, выступления вице-президента Рудского и заявления Михаила Горбачева. Когда же рассуждает Хасбулатов, то я с банкетки глаз не свожу.

Эти и многие другие политики, вероятно, не догадываются, что эффект от их присутствия на политической арене для меня несколько снижен и из-за небольшой книжной полки, которую я сделал из стула. Это мое озарение мне особенно дорого, потому что книжных полок в продаже нет, а если есть, то так дороги, что купить их не представляется возможным, и так тяжелы, что донести их нельзя, надо брать такси, а такси стоят больше полки. Книжная полка получилась из остова стула без одной из перекладин, который тоже выбросили на свалку богатые люди, и дощечек от ящика. На эту полку я поставил самые тяжелые книги.

Любое озарение хорошо, если оно освобождает вас от обращения за помощью к другим людям, особенно к специалистам. Важно найти правильное решение. Благодаря таким решениям, у нас дома не капают краны, не протекают окна во время дождя. Сейчас я нахожусь в процессе ожидания озарения по поводу почтового ящика. Дело в том, что почта к нам приносит крайне нерегулярно, и я пошел к начальнице почтового отделения с конкретными примерами. Разговор был в высшей степени интеллигентным, мы держали себя в руках. Однако на другое же утро мой почтовый ящик оказался без замочка. Все замочки на месте, кроме моего. А в магазинах замочков, естественно, нет. И вот я жду озарения, чем запирать почтовый ящик. Я не спешу, я знаю: оно придет, оно настигнет.

«Мне голос был», — написала Анна Ахматова. Голос — это что-то, несомненно, выше простого озарения. Но я пока довольствуюсь малым, потому что и от озарений жизнь стала гораздо радостней, друзья.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пинская тип.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Когда в 1943 году Сталин подписал решение о создании нашего журнала, будущий генералиссимус, конечно же, не подозревал, какую ошибку он совершает... Журнал в числе первых вышел из КПСС и отделился от государства

«Новое время» приглашает всех своих читателей в 1993 году вместе отметить полувековой юбилей журнала.

Теперь «Новое время» обязательно читают в Белом доме. В каком Белом доме? В московском или в вашингтонском? И в том, и в другом. Почему Рейган и Горбачев, Ельцин и Буш читают журнал «Новое время»? Потому что они ему доверяют. А почему доверяют? Что происходит – об этом пишут все. Еженедельник «Новое время» пишет о том, что происходит на самом деле.

А в Вашем доме читают «Новое время»?

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

70621

АБОНЕМЕНТ на журнал (индекс издания)
«НОВОЕ ВРЕМЯ»

(наименование издания) | Количество комплектов:

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда | |
(почтовый индекс) | (адрес)

Кому | |
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | ли-тер | на журнал | 70621
(индекс издания)

«НОВОЕ ВРЕМЯ»

Стоя-мость	подписки	руб.	коп.	Количество комплек-тов:
	пере-адресовки	руб.	коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда | |
(почтовый индекс) | (адрес)

Кому | |
(фамилия, инициалы)

«НОВОЕ ВРЕМЯ» – ЭЛИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ.

Подписная цена на «Новое время» в 1993 году (по каталогу):
на один месяц – 44 руб.
на три месяца – 132 руб.
на полгода – 264 руб.
+ стоимость услуг местных предприятий связи.

Индекс 70621

Подписка на «НВ» принимается во всех отделениях связи без ограничений.

Вниманию наших подписчиков, живущих за пределами России, в республиках, где «Новое время» не внесено в каталоги! Если Вы захотите, мы сможем посылать Вам журнал по почте прямо из редакции. Напишите нам, и мы сообщим Вам, сколько это будет стоить (цена журнала плюс почтовые расходы).

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Постоянным читателям «НВ» имя Александра Потресова хорошо знакомо — его «рукописи» уже появлялись в нашей рубрике («НВ» №18/91 и №47/91). Потресов в «меньшевистской диаспоре» русской эмиграции занимал — вместе с П. Гарви и другими — «правые» позиции. В отличие от «центристов» Дана и Абрамовича, и тем более от «левых» — Мартова и Валерианова.

Фрагменты из книги Потресова «В плену иллюзий» (Париж, 1927), которые мы публикуем сегодня, особенно интересны прочтением сразу после ознакомления с позициями

«левых» меньшевиков. Те, несложно успокоенные первыми успехами напа и ободренные некоторой стабилизацией экономики, не только поспешили скорректировать свою экономическую программу, но даже стали подумывать о сотрудничестве европейских социал-демократов — с Коминтерном. Выказывались даже соображения о слиянии с последним реформистского Рабочего интернационала. Потресов, как и его единомышленники в среде зарубежных социал-демократов, резко выступил против этого.

Хотя «левые» и «правые» в ряде прагматических позиций имели сходные позиции, например по отношению к «смешанной экономике», «левые» все же гораздо

больше полагались на общественный сектор, на плановое хозяйство. «Левые» меньшевики, как и некоторые европейские социал-демократы, очень верили в государство как инструмент экономической и социальной политики.

Потресов и другие «правые» не были склонны слишком доверять этому, по словам Ницше, «холодному чудовищу». С их точки зрения чрезмерное упование на государство ведет к потере продуктивности в хозяйстве и авторитаризму в политике.

Оказавшись в эмиграции, лишенные родины, русские социал-демократы оказались большими интернационалистами, чем их европейские единомышленники. Причем «правые», среди которых был

и Потресов, думали не только о социальном партнерстве и братстве социал-демократов, но и о международном сотрудничестве народов и экономических систем в рамках, например, объединенной демократической Европы...

Публикацию подготовил
Иван Задорожнюк

Дорога через абсурд

Александр Потресов (1869–1934)

Демонстративным разгоном Учредительного собрания, повальным уничтожением свобод, установлением казенного образца дозволенного мышления большевизм с первых же шагов своего господства вносил в народное сознание струю, враждебную демократической гражданственности. Он этими своими государственными актами закреплял исконную «российскую» привычку беспрекословного повиновения начальству и, несмотря на всю свою демократию, спешил растоптать и те немногие ростки демократического вольнодумства, которые еще кое-где некогда появились в народе — как бессильный пережиток когда-то сильной революции. Когда же революционная волна окончательно спала и народ был взнудан и оседлан новым господином, первоначальный большевизм весьма быстро закончил свое развитие, превратив рабочие и крестьянские Советы в намалеванные декорации и консолидировавшись в независимую по существу от народа бюрократию, бюрократическую пирамиду, заостренную олигархическим шпилем.

Без сомнения, в официальной правительственной партии русского большевизма, вмещающей более миллиона членов, как в Ноевом ковчеге — всякой твари по паре. Попасть под защитный цвет коммунизма, этого новейшего источника жизненных благ, стремится любой гражданин СССР со смекалкой в голове, с энергично работающими локтями и с достаточно установившимся равнодушием к общественной морали, ко всем принципам, не совпадающим с расчетами непосредственной выгоды. Первоначальное ядро убежденных большевиков, этой своеобразной породы фанатиков на подкладке революционного авантюризма и нечаевской неразборчивости в средствах — что дальше, то больше, — и все сильнее обрекается на ассимиляцию с этой новой сменой людей, воспитанных не революционным подпольем и революционным хаосом, а атмосферой бесправия в обстановке консолидировавшегося режима бюрократии...

Если деспотия историческими условиями вынуждается идти на ложь — посредством сочетания с противоположными и по существу враждебными умонастро-

ениями (вынуждается таким образом), надевать на себя ей несвойственный идеологический костюм, то это зрелище может, разумеется, отталкивать, но оно в то же время является все же и красноречивым свидетельством неотвратимости поступательного хода истории. Костюмированная деспотия — это невольное признание всемогущества новых идей, неотразимости их напора в сумеречный век умирания старого общества.

Так, царизм времени Петра в известной степени вынуждался ходом вещей надевать на себя костюм европеизма, и в этом выражался несомненный прогресс того времени при всей отвратности получавшихся нередко комбинаций...

Я не знаю, таковы ли невысказанные соображения, которые могли бы, хотя бы с известной натяжкой, мотивировать, почему меньшевизм так бережно-осторожно обходится с большевистской маскировкой в России и так страшно боится, когда маски наконец спадут и реальное чудовище предстанет во всем безобразии своей натуральности. Не будем по этому поводу гадать, но во всяком случае отметим сейчас же, что, к сожалению, маскировка в России теперь не маскировка петровских времен, не маскировка прогресса, а эта маскировка — регрессивная метаморфоза.

Не деспотия с тяжелым сердцем, ворча и кряхтя, вынуждается идти на уступки знамениям времени, а обратнотахоотическая вольница революции, быстро осев в своем подъеме, отступает и капитулирует перед властью, которая, демагогически наобещав ей с три короба, выявила себя как деспотия. Используя революцию как трамплин для отпавного скачка, власть скоро и сравнительно легко получила возможность эмансипироваться от этой серой и примитивной человеческой массы, поднявшей ее на щит, но не способной поставить ее в зависимость от себя, держать ее под своим непрестанным контролем.

Власть не подчинена этой массе, но она подчинена логике своего положения. А положение это определяется двумя кардинальными моментами, друг другу противоречащими, друг друга исключаящими. С одной стороны, реальность всероссийского оскудения, вызванного войной и революцией, дает материал для одного лишь капиталистического первоначального накопления. А с другой — свое право на существование эта власть, ро-

дившаяся из противоположения «Октября» — «Февраля», штыка — Учредительному собранию, обрела лишь в последовательном и универсальном максимализме, выдав коммунистический вексель на немедленную и совершенную ликвидацию капитализма.

Инстинкт самосохранения подсказывает власти, что нельзя слишком расхотиться с реальностью, и тот же инстинкт напоминает о том, что нельзя и слишком далеко идти этой реальности навстречу. Отказ от реальности — это повторение так называемого военного коммунизма, уже споткнувшегося в свое время о камень крестьянства. Отказ от коммунистического эксперимента, откровенный и решительный, — это потеря своего исторического паспорта, выданного власти максимализмом революции. Зачем диктатура, неограниченность (власти нужны) коммунистической кучке олигархов, раз власть перестает быть символом революционного устройства нового общества на обломках старого и переходит на рельсы исконного капитализма?

В результате такого лавирования между двух огней — перед нами деспотия, бесильная, само собой разумеется, создать какое-либо даже подобие пролетарско-коммунистического строя, но бесильная также допустить и сколько-нибудь нормально развиваться капитализму, частной инициативе, даже хозяйству крестьянина. Превратив всю жизнь в противную казенщину, она и свое казенное хозяйство ведет донельзя скверно, становясь все более явственно непреодолимым препятствием для центральной задачи современной русской экономики — поднятия производительных сил. В этом отношении, благодаря своей исключительности, она обладает даже более могущественными средствами, чем когда-либо обладала деспотия царей.

В силу этого мы, несомненно, приблизимся к моменту, когда во всеобщем сознании революции — революции народных масс, и в частности революции пролетарской, сформулируется горестная мысль, что, отдав когда-то диктатуре свои неотчуждаемые права первородства — права всенародной демократии, всенародных власти и контроля — за чечевичную похлебку социальных благ коммунизма, она осталась при «разбитом корыте» неосуществленных надежд. Ни чечевичной похлебки, ни прав!

Разумеется, бессилие ухудшить и без того из рук скверное положение не обеспечило бы за диктатурой, преемницей большевистской, признания ее известным шагом вперед в освободительном процессе России. Для этого нужно, чтобы она не только чего-то сделать не могла, но также, чтобы она что-то действительно сделала — сделала хотя бы против собственной воли, не сознавая исторического смысла совершаемого ею. А это «что-то» есть в нашем случае неизбежный при будущей смене диктатур кардинальный перелом в сознании народных, и в особенности пролетарских, масс в отношении к власти.

С исчезновением большевизма у власти исчезнет наконец и та роковая двусмысленность, которая в течение ряда лет вопреки здравому смыслу и наперекор очевидности свинцовой гирей висела над сознанием народа, сыздавна привыкшего видеть врагов своих с правой, а друзей своих с левой стороны. Перед народом же находился хамелеон, переливавшийся всеми цветами, начиная от ультракрасного и кончая полярно противным — ультрафиолетовым. Посмотришь с одной стороны, слушаешь, какие идеологические узоры разводит, какие интересы и идеалы претендует представлять — и прямо утонешь в потоках источаемого благородства! Ну а посмотришь с другой стороны и видишь звериную морду, мертвую хватку, вспомнишь беспросветную тьму материальной скудости и рабского послушания, все

снятая, преподносимые угрозой повседневной, будничной жизни, — и как будто бы готов преисполниться чувств, совсем не похожих на чувство любви и солидарности...

Раздвоенный в своем сознании народ, особенно же рабочий народ городов, становился в этих условиях Гамлетом и все не был в состоянии окончательно и бесповоротно утвердиться в своем мнении о том, что же — свой брат или не свой, эта власть, ошибающийся друг или подлинный предатель, враг?

И эпоха народного гамлетизма не дописала до сих пор еще своей последней главы, не сказала своего последнего слова, мешая концентрации воли к борьбе, созданию объединенного фронта для восстановления в России демократии и свобод...

И в этом отношении даже самый дрянненький, кружковый «дворцовый переворот», в котором, конечно, не только социал-демократу, но и буржуазному демократу делать нечего, к которому рук ему не пристало, да и невозможно прикладывать, может оказаться тем ничтожно малым кристалликом, который при всей своей малости приводит в движение неограниченно большое количество перенасыщенного раствора, без его посредства не могшего до тех пор выйти из своего напряженно-тяжелого равновесия.

Крушение большевистской диктатуры от такого рода малости как кружковый переворот, то есть в сущности от ее собственного разложения — распада, подорвав еще сохранившийся в глазах масс престиж большевизма, в то же время, и это главное, поставили бы эти массы в непосредственное соприкосновение с новой безответственной властью. У этой власти, однако, в отличие от прежней уже не имелось бы более столь мощных ресурсов сбивающей с толку демагогии. Благодаря этому положение стало бы проще и много яснее.

Перед массами оказался бы враг уже не с опущенным, а с приподнятым забралом, и массы обрели бы в его лице ту точку приложения сил, тот фокус политического противодействия, в котором они так нуждались, чтобы выйти из своего состояния оцепенелости и маразма. Таким образом, новая власть, запоздавший горе-Бонапарт, ни в коем случае не задержала бы, а, наоборот, ускорила бы ликвидацию всех и всяческих диктатур, ликвидацию, которая пришла бы, вероятно, много позже без ее оперативного вмешательства в дело разложения большевизма...

Не следует упускать из виду еще одно, далеко не маловажное обстоятельство. Самая скверная послебольшевистская диктатура ходом вещей вынуждалась бы к раскрепощению частнохозяйственной инициативы, к ослаблению, если не к совершенному уничтожению, удушающей казенщины. И тем самым даже она могла бы послужить исходным толчком к скорейшему восстановлению русской экономики, к тому действительному росту производственных сил, который так нужен для развития более здоровой и более дееспособной общестственности. И, следовательно, даже она явилась бы государственной формой, в которой быстрой и легкой начала бы развиваться в масштабе массового движения борьба за ниспровержение деспотии, за демократизацию общественного строя.

Если до тех пор под флагом социализма крестьянство увеличивало свои земли за счет помещиков и потому готово было сквозь пальцы смотреть на всю антикапиталистическую кампанию, ведомую большевиками, то теперь оно впервые под пятой большевизма ощутило всю ценность для него им раньше недооцененного принципа собственности. Оно получило такой наглядный урок из рук большевиков, какого лучше не мог придумать ни один враг социализма. А последние годы государственной практики диктатуры только лишь могли

**Из лаборатории большевистского
«социализма» мелкий собственник
выходит с такой антисоциалистической
прививкой, какую не могла дать
ни одна буржуазная революция...**

укрепить завязывающуюся связь крестьянства с определенно выраженной буржуазной психологией, с буржуазным мышлением.

Мелкий собственник — и не только крестьянин — выходит, таким образом, из лаборатории революционных и послереволюционных лет большевизма с такой антисоциалистической прививкой, с таким упроченным буржуазным сознанием, каких не давала и давать не могла не только Великая французская революция, но даже и позднейшие, имевшие дело уже с социализмом и рабочим движением, но не знавшие ни такого гражданского — в государственном масштабе — эксперимента, ни такого потрясающе демонстративного несоответствия между тем, что с легкой руки большевиков выдается за социализм, и интересами буквально всех классов страны, всего государственного целого.

Социализм, пропущенный через призму большевистской десятилетней практики, не только блистательно провалился на экзамене жизни как государственная доктрина — к величайшему удовлетворению буржуазии всех стран и к вящему укреплению эгоизма собственника в мелком русском буржуа, — но он еще оказался, сверх того, морально загаженным, морально дискредитированным всей этой практикой. Ибо эта практика не являла собой населению некий высший моральный принцип, достойный подражания и вызывающий к себе уважение даже врагов, а, наоборот, поражала своим цинизмом, тем противоречием между словом и делом, между декларируемой красотью и реально творимым безобразием, которые должны были действовать разлагающе на морально и политически и без того не стойкую среду.

Социализм героев первоначального накопления! — на такой социализм даже иной буржуа, а в особенности трудящийся мелкий собственник, мог, пожалуй, взирать не снизу вверх, а сверху вниз — с высоты своего по сравнению с ним превосходства!

Но морально и политически наихудшее, что могло приключиться с социализмом, узурпированным большевиками, — это его неразрывная в глазах населения — связь с государственным строем деспотии. Эту связь завязали большевики, а развязывать ее придется всем остальным социалистам мучительно трудно и мучительно долго. Я боюсь, что на это надо будет потратить много больше времени, чем сколько большевикам удалось повластвовать в России...

Составляя баланс международного влияния русской революции с ее истоками, мы вынуждены с болью сердца установить огромное преобладание отрицательных влияний над положительными. Достаточно с этой целью хотя бы первоначальному возбуждающему действию от известий о русских событиях противопоставить все зло держащихся еще до сих пор в Интернационале иллюзий о пролетарско-социалистическом характере большевистской деспотии, весь тот идущий из советской России подрыв идеи демократии и демократических свобод в рабочих массах, всю ту деморализацию, которую вносит в среду международного рабочего движения Коминтерн, раскалывая пролетариат и подкрепляя свою раскольническую агитацию растлевающим звоном казенного российского золота...

Предание когда-то рассказывало, что, где проходил вождь гуннов Атилла, там трава не росла. До некоторой степени это можно сказать и о международном значении большевистского завершения русской революции для социализма и рабочего класса. Где только большевизму ни удастся пустить свои корни, там обязательно рабочее движение терпит серьезный

урон и требуется всегда чрезвычайная затрата времени и сил пролетариата, чтобы возместить этот урон и свести на нет подрывную деятельность Коминтерна. А ведь Коминтерн, то есть советская власть, — это, по признанию того же Дана, и есть самая настоящая русская революция, которую мировой пролетариат защищает от мирового капитала...

Защищает и только? Защищает, тем самым подтверждая, что гнуснейшая из современных деспотий революционно миропомазана, что она — русская революция в своем продолжающемся действии, а не отрицание этой революции, уже имеющееся налицо, подготовленное процессом истории, хотя далеко еще не законченное. Я понимаю, что можно и деспотию защищать против посягательств мирового капитала. Точнее говоря, защищать страну, имеющую несчастье управляться деспотией. И я бы понял эту защиту, свободную от иллюзий и недоразумений, и целиком бы ее санкционировал, ибо полагаю, что всякое насильственное вмешательство держав в назревающую внутри России развязку было бы крайне опасно и вредно по своим неизбежным последствиям для России и ее трудящихся масс.

Но я бы понял такую защиту в том случае, если бы она как необходимым условием дополнялась тем, что гораздо более относится к непосредственным обязанностям Интернационала, чем защита деспотии. Если важно и нужно Интернационалу в известных случаях защитить даже и деспотию, то бесконечно нужнее и является его прямым и священным долгом — защитить честь и достоинство социализма и пролетариата против поругания им уготованного той же деспотией, ее лжесоциалистическим и лжепролетарским правительством.

В этом несчастье социализма есть только одно утешение. Есть основания думать, что с падением большевиков наступит не только обществено вредная реакция против социализма, но и реакция общественно полезная, направленная против системы бесконтрольного, деспотичного хозяйничанья в государстве какой бы то ни было власти.

Я с нетерпением жду, когда какой-нибудь почти зулусский царек (или коммунист, пришедший на смену этому зулусскому царьку) введет у себя так называемую «советскую систему» и объявит по своему государству обязательным коммунистическое богослужение. Это будет только доведение до абсурда того, что случилось в России, или вернее — русский абсурд, возведенный в квадрат. Что же, может быть, и этот гипотетический, впрочем, если судить по международной политике советской России, равно и Коминтерна, то и не невозможный случай, может быть, и он указывает на близость социальной революции и ущербленность буржуазии? Может быть, и он представляет ценность «симптоматическую»?

Шутки, однако, в сторону! Приобщение к капиталистической цивилизации со всеми ей свойственными противоречиями и социальными анахронизмами народов совсем другого уклада, других традиций, другой цивилизации ставит на очередь дня отнюдь не проблему приближающегося социалистического строя, а, скорее, обратно — проблему укрепления новых разновидностей капитализма, весьма своеобразных политических форм, которые могут создаться от сочетания разнородных культур, нередко давая при этом повторение с соответственными вариациями того маскарада, который мы уже имели несчастье познать у себя в России.

Самая скверная послебольшевистская диктатура логикой вещей будет освобождена от цинизма и должна будет раскрепостить частный интерес и частную инициативу...

В мире политики одно слово может перевернуть всю жизнь. Сказал бы бывший председатель Совета Министров Литовской ССР **Витаутас Сакалаускас** в январе 1991 года «Да!» и сидел бы сейчас в кабинете следователя, как бывший второй секретарь компартии республики Владислав Швед, или скрывался бы у друзей военных, как бывший первый секретарь Миколаас Бурокаявичюс.

Но бывший кандидат в члены ЦК КПСС сказал тогда председателю КГБ Владимиру Крючкову и секретарю ЦК КПСС Олегу Шенину «Нет!» и сидит теперь в своем кабинете на «Балтийской бирже» в Вильнюсе. 59-летний Сакалаускас работал когда-то на заводе, был мэром Вильнюса и без работы не остался.

В прошлом январе московские и вильнюсские заговорщики хотели сыграть на его амбициях. Пять лет Витаутас Сакалаускас был председателем Совета Министров республики. Еще в конце 1989 года он понял, что в Вильнюсе скоро будет новая власть, которой он не подойдет, и попросил в Москве по старой традиции подобрать ему местечко в каком-нибудь посольстве.

Местечко нашли не лучшее — отправили советником по эконо-

мике в Мозамбик, нищий и с плохим климатом. Накануне попытки государственного переворота в Вильнюсе Сакалаускас вызвали в Москву. Он понял зачем и по дороге даже составил список нового литовского правительства — без людей Саюдиса, разумеется. Судя по записным книжкам маршала Язова, убрав Ландсбергиса и законное правительство, Сакалаускас хотели сделать главной фигурой, а партийным секретарем Бурокаявичюса.

Но, прилетев в Вильнюс, Сакалаускас сразу понял то, чего упорно не желали понимать в Москве: литовцы поддерживают свой парламент и свое правительство...

В следующий раз Сакалаускас прилетел в

Вильнюс, чтобы оформить гражданство Литовской Республики и найти работу.

Роя Корнеса телевидение и газеты Британии называют «Джеком-потрошителем XX века». В викторианские времена так звали маньяка, который сходился с женщинами, чтобы затем убить их. Но в отличие от убийцы викторианских времен, расправлявшегося со своими жертвами с помощью ножа и вынужденного постоянно скрываться от полиции, изменяя свое лицо и имя, Корнес благодаря телевидению и прессе известен многим в Бирмингеме — городе, где он живет. Ему не нужен нож. Он убивает женщин вирусом СПИДа,

который был занесен в его организм при переливании крови еще семь лет назад, когда Роя было 17.

«Остановите этого человека», — в отчаянии воззвал по теле-

видению отец одной из жертв. Но в Англии не существует закона, по которому Рой Корнес мог бы быть привлечен к суду. Как пишут журналисты, практически он имеет «лицензию на убийство».

Корнес, зная о том, что является носителем смертельного вируса, не снисходил до объяснений с встречавшимися на его пути женщинами и не принимал никаких мер предосторожности, чтобы уберечь их от трагических последствий.

«Я не убийца и никого преднамеренно не заразил. Когда я узнал, что являюсь носителем вируса, никто мне толком не объяснил, чего я не должен делать», — утверждает Корнес.

В определенной степени он сам является жертвой, поскольку был инфицирован вследствие нарушения правил при переливании крови. Но он и убийца, считают газеты, так как одна из многих его жертв уже умерла, у другой родился зараженный вирусом СПИДа.

Недавно Рой Корнес, которого, кстати, девушки всегда считали привлекательным парнем... женился и в

И как прежде в строю

64-летний **Фикрят Табеев**, еще в сталинские годы защитивший в Казанском университете кандидатскую диссертацию по политэкономии, вернулся к любимому в юности делу.

Политэкономии социализма больше нет, но принципы великой науки можно успешно претворять в жизнь и сейчас. Бывший доцент кафедры политэкономии Табеев, назначенный управлять Российским фондом федерального имущества, мужественно ведет борьбу с Госкомимуществом и президентом России за то, чтобы лишить нелюбимые Русланом Хасбулатовым «Известия» их издательства и типографии.

Руководство Верховного Совета России нашло надежного исполнителя своих чаяний: Фикрят Табеев начальство никогда не подводил. Он верно проводил политику КПСС в родной Татарии, где двадцать лет, при Хрущеве и при Брежневле, был первым секретарем обкома. И оторвался от этого дела только для того, чтобы отправиться послом в революционный Афганистан. Он был послом в Кабуле с 1979 по 1986-й, когда Горбачев предпочел его заменить.

Афганистан — это было то место, в котором советский посол мог развернуться как ни в какой другой стране.

При Табееве отряд КГБ «Альфа» штурмовал президентский дворец, убив президента Амина и его окружение. При Табееве были введены советские войска в Афганистан и тысячи советских солдат были убиты, а десятки тысяч ранены и искалечены. При Табееве миллиарды рублей отнимались у нищей России, чтобы поддерживать кабульский режим.

Из советского посольства в Кабуле Фикрят Табеев перебрался в здание правительства России, которое тогда еще не называлось Белым домом. Его назначили первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР. После выборов 1990 года вся старая российская аппаратная гвардия куда-то исчезла. Оказалось, не надолго. Фикрят Табеев снова в строю.

конце июля выступил по британскому телевидению вместе с молодой женой.

Рижский журналист **Андрей Майданов** написал первую у нас книгу о восстании советских военных моряков на большом противолодочном корабле «Сторожевой» в 1975 году.

Восстание поднял замполит корабля Валерий Саблин. Авторитет Саблина был настолько велик, что экипаж решил на самоубийственную акцию.

Моряки заявили, что не желают служить преступному режиму и уходят на Запад. Против безоружного корабля была брошена вся боевая мощь Балтийского флота и Прибалтийского военного округа. В воздух подняли даже самолеты с ядерными бомбами. После обстрела корабль захватили. Мятежных моряков судили. Возглавившего восстание капитана третьего ранга Валерия Саблина приговорили к расстрелу. О «Сторожевом» приказано было забыть.

Американец Том Клэнси написал по мотивам этой истории политический детектив «Охота за «Красным Октябрем». Книга (теперь уже переведенная на русский язык) стала бестселлером. По книге поставлен из-

вестный фильм с Шоном О'Коннери в главной роли.

Несколько лет назад рижская газета «Советская молодежь» впервые в Советском Союзе рассказала о Саблине. Главный редактор газеты Александр Блинов провел целую акцию на страницах газеты, которая позволила в деталях восстановить историю этой трагической попытки восстать против режи-

ма, понять причины мятежа, что-то узнать о личности мятежного офицера.

Журналистское расследование Андрея Майданова закончилось книгой, которая два года не могла выйти. Наконец ее выпустило латвийское издательство.

Кандидат филологических наук Андрей Майданов готовит второе издание, работает над сценарием филь-

ма, правда, на другую тему и собирается переехать в Москву.

У новой звезды испанского кинематографа 32-летнего **Антонио Бандераса** есть все: молодость, красота, богатство, слава. По собственному признанию, он чувствует себя сейчас таким счастливым, что даже «самому страшно становится». Честь «открытия»

Бандераса принадлежит модному ныне испанскому кинорежиссеру Педро Альмодовару, который заметил его в каком-то любительском спектакле и пригласил на маленькую роль в фильме «Лабиринт страстей».

Сын скромного таможенного служащего, Антонио в 1980 году приехал завоевывать Мадрид. Ночные клубы, рестораны, полупрофессиональные спектакли... Перелом в судьбе — встреча с Альмодоваром. Принимая «Оскара» из рук Ричарда Гира на торжественной церемонии в Голливуде за свою роль в фильме «Короли Мамбо», Антонио почувствовал, что его признали как актера, что он не ошибся в выборе профессии.

В отличие от своих именитых коллег, обычно не упускающих случая облить грязью Голливуд, Антонио никогда не скрывал, что был просто потрясен блеском голливудской жизни. Американцы знали, чем завлечь испанского красавца: вилла, машина с шофером. Но во всех своих интервью Антонио подчеркивает, что главным было доброжелательное отношение.

Сейчас Антонио наслаждается успехом «Королей Мамбо» и общением со своей молодой женой Аной Леса.

Л.Костюнина

Охранник-моралист

Бывший генерал КГБ **Владимир Медведев**, который был тенью московских лидеров, начиная с Леонида Брежнева, вдруг заговорил на необычные для охранников темы.

Отправленный в отставку, начальник личной охраны Горбачева рассказал в интервью одной греческой газете, что бывший президент СССР — «двуличный человек, он говорил одно, а делал другое... Часто бывает, что веришь человеку, которого охраняешь. Сначала и мы ему верили».

Хуже Горбачева для генерала была только его жена: «Если ей кто-нибудь не нравился, то этого человека мы уже не видели ни в Кремле, ни на даче Горбачева. Раиса часто меняла прислугу и поваров и раздражалась из-за любого пустяка. Во время поездок она делала нашу жизнь невыносимой. Мы с облегчением вздыхали, когда Горбачев ехал один... Гардероб Раисы большей частью был заграничного происхождения. Она делала заказы по каталогу, и мы их выполняли...»

Насколько низко генерал Медведев ценит Горбачева, настолько высоко — Брежнева: «Брежнев был великим лидером и скромным человеком. Слухи о его склонности к роскоши распространялись Горбачевым... Брежнев вовсе не предавался пьянству. Иногда он выпивал рюмку водки, чтобы заснуть...»

Судьба личных охранников похожа на судьбу спортсмена, мечтающего об олимпийской медали. Он, выжимая майку от пота, тренируется годами, чтобы в решающую минуту показать, на что он способен. Такая минута настала для генерала 18 августа 1991 года, когда члены ГКЧП явились на крымскую дачу президента Горбачева. Но генерал Медведев проморгал свою олимпийскую медаль.

Всю жизнь его готовили к одному: в нужную минуту умереть за президента. Впрочем, умереть и не требовалось. Надо было остаться вместе с президентом, которому, вероятно, впервые грозила настоящая опасность. Но генерал Медведев, охотно повинувшись приказу своего начальника по 9-му управлению КГБ генерала Юрия Плеханова, собрал вещи и исчез с президентской дачи.

Все его подчиненные из охраны Горбачева предпочли остаться и сохранили свою офицерскую честь.

Отставной генерал Медведев работает в частном охранном бюро и жалуется иностранным корреспондентам: «Я всю жизнь работал добросовестно, а меня в итоге выбросили на улицу как какого-то подозрительного человека. Это безнравственно».

«Будешь плохо учиться – станешь оленеводом»,

или Почему даже дети предпочитают блондинок

Татьяна Чернова

Что может спасти от комплекса неполноценности? Куклотерапия.

В России у нерусских часто возникает комплекс этнической неполноценности. Чаще всего это касается народов Севера: чукчи, эвенки стесняются своей национальности. Представители «элитарных» профессий (учителя, врачи, продавцы) обычно принадлежат к белой расе. А учителя в школе (чаще всего это русские, украинцы и евреи, и все они одинаково бестактны, по наблюдениям ученых и аспирантов университета) привержены одному и тому же неотразимому, на их взгляд, аргументу: «Будешь плохо учиться – станешь оленеводом».

Дети избегают называть свою национальность, представляясь русскими или просто называя несуществующую национальность – коми. Для таких детей созданы куклы – представители разных рас: с белым, желтым, черным цветами кожи, соответствующими чертами лица, разрезом глаз.

С этими куклами произвели эксперимент не только на нашем Севере, но и в других «братских» странах – на Кубе, в Монголии: предложили детям выбрать игрушку на свой вкус. И почти все предпочли белых – и не просто белых (их было два вида), а со светлыми волосами и голубыми глазами, оставив в стороне темноволосых и черноглазых...

Библиотека игрушек

В 1934 году в Лос-Анджелесе, США, была открыта первая в мире библиотека игрушек. ООН приняла Декларацию прав ребенка, одна из статей которой предусматривает право ребенка на игру, возможность играть так, как он хочет, и иметь для этого все условия. Созданы Международная ассоциация «Право ребенка на игру», многочисленные национальные ассоциации библиотек игрушек. И вот этим летом, почти через шестьдесят лет после амери-

канской, открыта библиотека игрушек и в России.

Еще недавно игра у нас воспринималась как нечто несерьезное и уж во всяком случае недостойное серьезных научных исследований. Между тем игра для детей – это способ познания окружающего мира, возможность «отыскать себя» (по определению Януша Корчака) в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной». Благодаря игре ребенок учится доверять самому себе, распознавать, что он принимает, а что отвергает в этом мире. Игра дает возможность моделировать разные ситуации, искать выход из конфликтных, не прибегая к агрессии, учит разнообразию эмоций, восприятию всего существующего в как можно большей гамме чувств. Ребенок начинает ощущать себя включенным в мир, в общество.

Для игры необходимо специальное пространство, защищенное от посягательств извне, где можно чувствовать себя свободным. Это и есть библиотека игрушек. Сейчас их открыто великое множество по всему миру – хранилищ игрушек, где можно играть, общаясь друг с другом и брать игры домой, как книги из обычных библиотек.

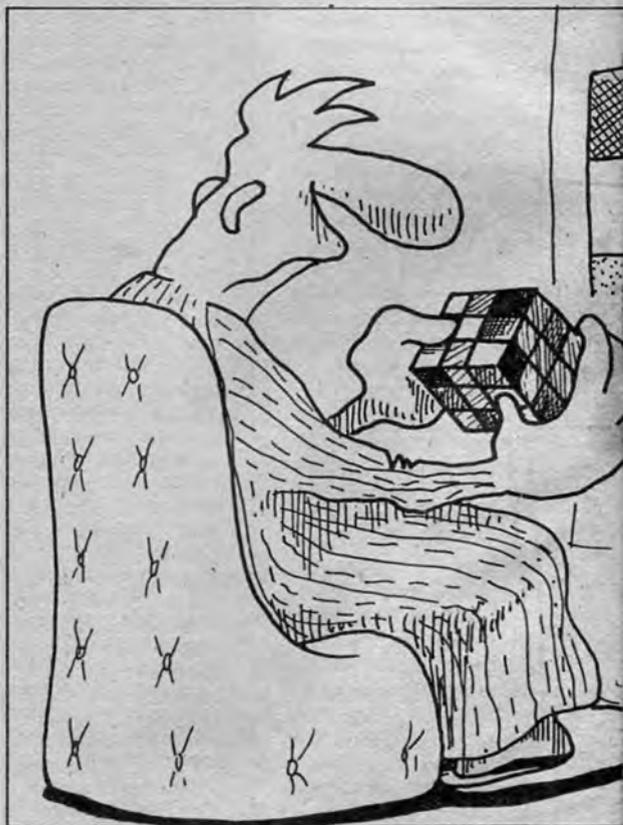
Как же происходит «магический акт игры» в одной, отдельно взятой библиотеке, например, в такой небогатой стране, как Португалия?

Приходят сюда, когда хотят – расписания работы нет. Игрушек не так уж и много, но вся атмосфера вовлекает в игру, в общение. Разные уголки библиотеки – для разных игр. Здесь – читают сказки, поэзия – тоже часть игры. Здесь разыгрывают спектакли перед кукольной аудиторией. А это – уголок изобретений: из частей самых разных, хо-

рошо знакомых предметов создается нечто новое, фантастическое. Вот больница: мальчик в белом халате измеряет девочке давление – в руках у него вполне «взрослый» медицинский прибор. Рядом с больницей – магазин. Есть в библиотеке и совершенно пустые уголки – здесь ребята делают все, что хотят, что позволяет их фантазия. Скажем, пытаются представить себе всю историю человечества только в запахах или ответить на вопрос: тигршина – что я слышу?

Что у вас в карманах?

Периодически при библиотеке создаются тематические выставки (они передвижные и подолгу «гостят» у сельских детей). Одна из них была посвящена совершенствованию чувственного восприятия мира. По скользкой горке ты неудержимо летишь вниз и попадаешь в сад, полный сюрпризов. Сад – ночной, а звуки в нем дневные. Закрываешь глаза и пытаешься представить, что вокруг яркий, солнечный день: игровой обман чувств развивает фантазию, дети и взрослые рассказывают друг другу о возникающих в их сознании образах. Множество неожиданных подстерегает на каждом шагу: впадины в полу, создающие иллюзию, что ты проваливаешься в них и падаешь. падаешь...

Разные звуки (от шума водопада до грохота улицы), запахи, вкусовые ощущения создают своеобразную чувственную симфонию, учат разнообразию мира. Кривые зеркала, искажающие реальные образы, дают понимание — не так все просто вокруг, иногда там, где совершенно этого не ждешь, человека подстерегает обман...

Играя, дети раскрепощаются. И это дает богатую пищу для ученых-психологов, педагогов, которые наблюдают за ними. Наблюдают, но не вмешиваются. Даже тестирование считается здесь неоправданным вмешательством в творчество ребенка, в его мир. Сюрпризом не только для психологов, но и для родителей стала выставка предметов, которые дети носили в своих карманах. Какие только сокровища они не извлекли оттуда! От песка (высыпая его, мальчик изображал дождь) и камешков (для строительства крепости) до останков сломанной пишущей машинки. А потом устроили еще одну такую же выставку, но уже из предметов, хранящихся в карманах у родителей. И картина оказалась на редкость схожей: были здесь и кусочки дерева, и старые, давно ненужные ключи, и камешки. И все — и родители, и дети — были потрясены, открыв для себя столь много нового друг о друге.

Поющая кровать

Эта библиотека игрушек в Португалии — для здоровых детей. Но те, кто

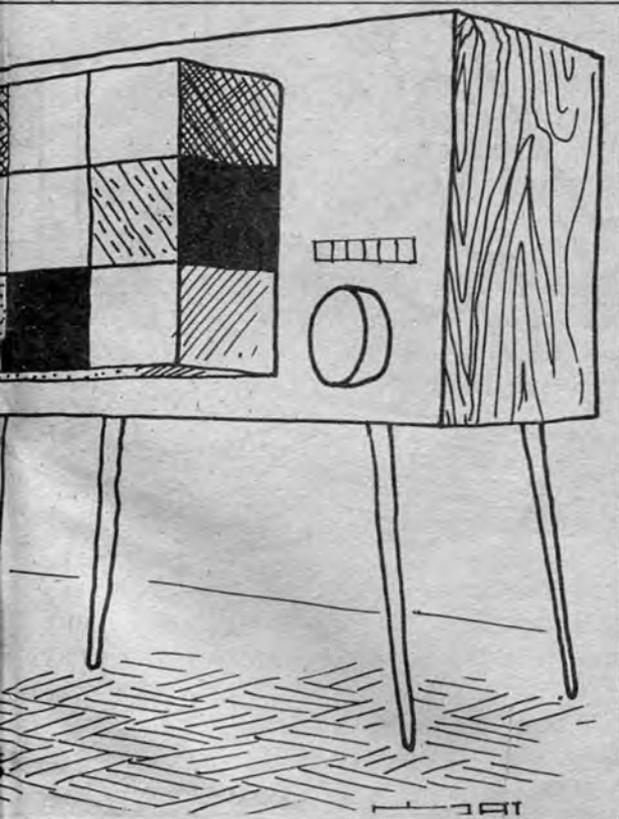

Рисунок С. Федько

обделен природой, не менее, а, может быть, еще более нуждаются в игре, в специальных игрушках. Их продемонстрировали на прошедшей недавно в Москве конференции игрушек врачи из Англии. Такие игрушки врачи разработали на основе уже существующих, дополнив их специальными приспособлениями.

Ребенок почти не может двигаться, взять игрушку в руки — для него создана кукла, которая танцует; реагируя на звук его голоса. Кровать начинает петь, когда родители кладут на нее ребенка.

Для тех, кто может хотя бы ползать, — радиоуправляемые игрушки. Разработаны оптимальные положения тела для использования той или иной игрушки детьми, страдающими разными болезнями. В помощь родителям издаются журналы, например «Позиции для игры», путеводители в мире игрушек. Для умственно отсталых детей созданы простые и красочные игрушки, но и они дают возможность выбора: нажимаешь одну кнопку (красную) на большой яркой панели — игрушка начинает светиться, другую (синюю) — поет.

В России тоже постепенно становится известен термин «куклотерапия». Дети, воспитываемые в детских домах и в семьях, где на них практически не обращают внимания, часто страдают задержкой эмоционального развития: не умеют чувствовать, испытывать эмоции, часто их надо просто знакомить с разными психологическими состояниями, доступными человеку. Здесь вновь приходит на помощь игрушка. В университете создали 12 кукол (6 «мальчиков» и 6 «девочек»), на лицах которых отражены шесть основных состояний: спокойствие, агрессия, смех, лукавство, плач, страх.

«Не забудьте о бабушке!»

Могут ли «вписаться» в библиотеку игрушек пожилые люди, нужны ли им игры? И что такое вообще старый человек? Об этом поведала на конференции представительница Новой Зеландии, так и назвав свой рассказ — «Не забудьте о бабушке!». Много лет назад двое ее приемных детей спросили ее, тогда 18-летнюю: «Тетушка Бэтси, тебе уже, наверное, 100 лет?» А недавно ее 87-летняя подопечная, побывав в доме для престарелых, сказала: «Там есть совсем старые, им уже по 90 лет!»

— Мы стареем только внешне, — заключила Бэтти Уиллис, — а внутри остаемся теми же. Не зря у стариков столь много общего с детьми — они тоже нуждаются в игре, нуждаются в общении с детьми.

В Новой Зеландии к работе библиотек игрушек стараются привлечь пожилых людей. Они выполняют простую, посильную для себя работу, которая им в радость: выдают игрушки, чинят их, развозят на машинах по домам больным детям, общаются друг с другом, с детьми.

Есть в Новой Зеландии и специальные библиотеки для пожилых — библиотеки досуга. Для тех, кто не желает перебраться в дома для престарелых, созданы и так называемые центры дневной заботы. Здесь старики проводят целый день, а вечером их отвозят домой. Работники центров и библиотек досуга подыскивают для них игры. Обычно те, в которые старики играли в молодости: лото, карты, красворды, головоломки. Тем, кто не может держать в руках карты, помогают простые приспособления: специальные доски со щелями, куда вставляются карты, а дома (советуют старикам) можно воспользоваться чистой половой щеткой — воткнуть карты между ее прутьев. Есть в центрах специальные кресла для игры в мяч, разработаны танцевальные упражнения для сидящих. У входа в библиотеки построены пандусы для инвалидных колясок, внутри специальные туалеты для инвалидов, в столовых — приборы для тех, кого плохо слушаются руки.

В центре, где работает Бэтти, устраивают выставки, последняя называлась «Мой первый день в школе» — для нее старики принесли из дома то, что бережно хранили десятилетиями.

Многое из того, о чем говорилось на конференции, нам пока не доступно. Но осознание важности игры, необходимости ее изучения учеными приходит. Еще вчера идея библиотеки ее создателям, по их собственному признанию, казалась вполне безумной.

Но вот она уже открыта. И как выяснилось на конференции, уже действует библиотека в Санкт-Петербурге для детей, отстающих в развитии, помогают ей власти города, различные фонды. Помогут нам и зарубежные ассоциации, они уже немало передали в дар России.

Но есть и такие уголки, где игр для маленьких детей нет вообще.

— Вот вы, ученые, говорите о том, что военные игрушки — преступление против человечества. Спорите о том, стоит ли мальчику играть в куклы, — сказала воспитательница детского сада из Тюменской области, — а у нас кукол нет никаких. Недавно мой трехлетний (!) подопечный отчаянно разрыдался, испугавшись обычной мухи, — никогда их не видел, даже на картинках. А вот были бы хоть самые простые игрушки...

Виталий Ганюшкин

А. Б р а т . К а д а . Б р а . 8

Стою предприниматель эх что бы предпринять восславить богоматерь иль трахнуть тоську блядь фортуна взять за жопу поймать в мутне рыба купит европу оптом иль замуж взять бабца проникнуть в президенты достать пуховый плащ податься в резиденцы простор бля ну хоть плач а то гаинспектор стой пьяный столыник в час богатый выбор спектор сто столыник за газ а может в рекетиры авось не враз убьют курочить бы квартиры валютный где уют лафа с табачной явой а прибыльной дукат обзавестись шалавой пистон сертификат открыть движение партею возглавить во главе за диктатурократию пройтись парад але собрать да сдать бутылки поймать на шапку пса стоишь как на развилке в кармане ни шиша сыскать такое вымя чтоб брызгало само во благо и во имя тебя лишь самого схватить перо жар птицы снести в комок эспэ наказать бы пиццы да отвалить в эсвэ лазурные лагуны рекою хванчкара на взморье рижском дюны эх самая пора работа дурь для дурых я дурых не терплю медведь он всюду бурый и шкура по рублю толкнуть бы всю державу толчок на моховой покайфовать на славу а тоську взять с собой

Ельцин буша повстречал по расейски накачал есть концы да нет начал ельцин бушу пробурчал буш тут врезал ельцину ты началам знай цену за берлинскую стену я с тебя штаны стяну ты расею мать не трожь расцветает в поле рожь будет хлеб ядрена вошь нас руками

хрен возьмешь ты брат боря не джентльмен я за дружеский обмен говорю не как бушмен и тем более не член так бы сразу и сказал с микрофону на весь зал я б указом указал нас бы всяк зауважал мне указ твой не указ что саддамовский намаз студебеккер не камаз член ложили мы на вас э ты кеша не скажи это ваши миражи только как ты не кружи а решают все жида так у вас ведь бей жидов с незапамятных годов не набрать вам голосов в затыми крестных то ходов нам подбрасывают тут про сионский про статус что евреям мол капут всех на плаху сволокут где ж тогда тебе решать день деньской на шее шать кабы тут не оплошать надо вотум повышать не твоя браток печаль проведем по кадрам чай есть парламент есть печать чтоб в евреи назначать ну коль так так нам на дно буш ли ельцин все равно может хряпнем по одной по последней отходной

Смотрю себе и думаю силен в заду умом вживить так хоцца мумию вот это был бы шмон от мумии остался всего лишь мавзолей так трудно расставаться за сто румынских лей наш век под знаком трупа вдыхаем тлен и прах внутрипартийной группой при-

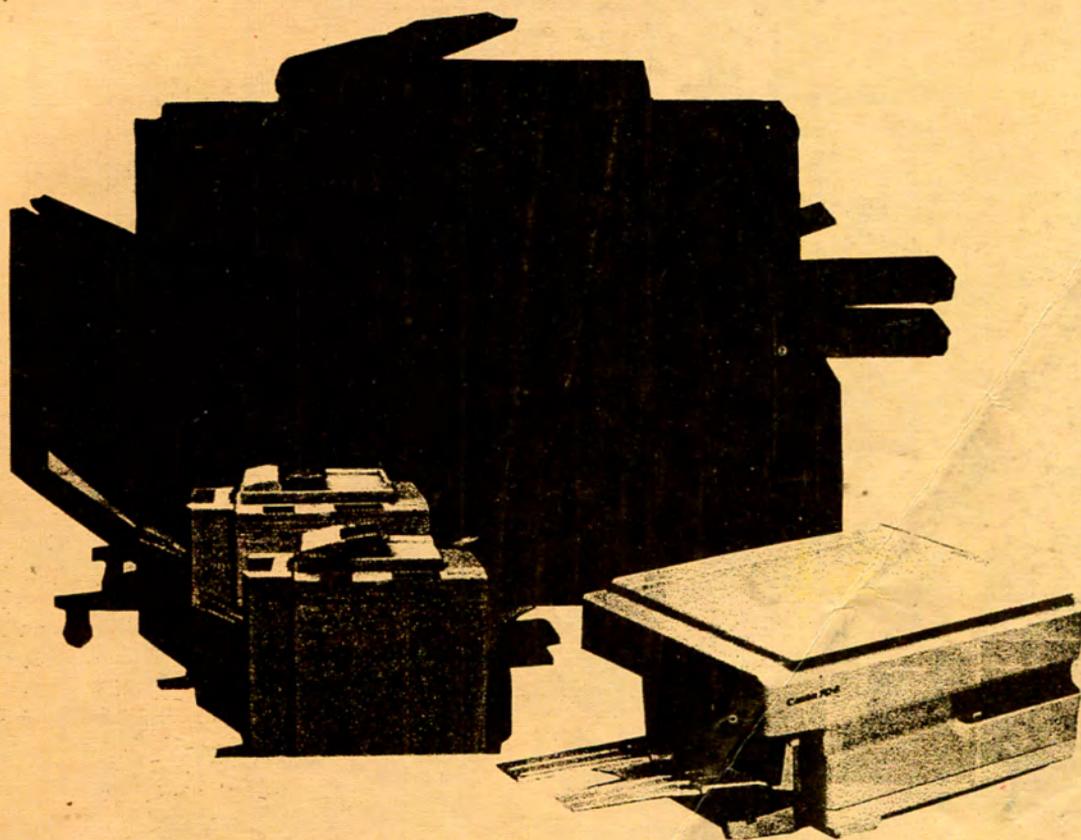
шел вселенский крах ну вынесем зароем стяхнем прах с наших ног а кинешма есть кинешма и с нами царь горох из саркофага вычистим как вычистить из нас марксизм его величество вождей иконостас влупили лет на семьдесят нам ленинский урок сам мумий нынче семячки как извести порок сижу стучу и чую в тумане демогрёз как мумиё кочует с башечки в костный мозг марксизмом ленинизмом несчастный органон крутой октябрьской клизьмой клинично поражен безмерным солитёром мы не рабы не мы всосался во все поры одной шестой земли и все на ней марксизно все мумиё киста от президентов сивых до бычьего хвоста в марксизме — ленинизме во всей его муре нашел однако визу в спасительном тире на жердочке усядусь а ножки свешу вниз переживу бодягу не вечен мумикриз

ПРОИДЕЛЫНЫЙ ПУТЬ

Рисунок Евгения Старобубцева

САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ В РОССИИ!

МП «ТИМ», Москва, совместно с фирмой «NORIS Consulting GmbH», Гамбург, проводит распродажу восстановленных специализированной японской фирмой копировальных аппаратов фирмы «CANON» А3 формата:

«CANON NP-150» – 150 000 рублей;
«CANON NP-150Z» – 160 000 рублей;
«CANON NP-1215» – 190 000 рублей;
«CANON NP-1318» – 195 000 рублей.

Двухцветные:

«CANON NP-2015» – 195 000 рублей;
«CANON NP-2215» – 200 000 рублей;
«CANON NP-3025» – 210 000 рублей;
«CANON NP-3225» – 215 000 рублей;
«CANON NP-3525» – 225 000 рублей;
«CANON NP-3725» – 250 000 рублей.

Все ксероксы в отличном внешнем и рабочем состоянии.

Все копировальные аппараты находятся на складе МП «ТИМ» в г. Москве и выдаются Покупателю после поступления денег на счет МП «ТИМ».

Срок гарантии – 12 месяцев с даты продажи.

По заказу Покупателя копировальные аппараты обеспечиваются расходным материалом по минимальным ценам.

Оптовым покупателям предоставляется скидка.

**Дополнительная информация по телефонам:
(095) 431-18-35,
432-92-60.**

31

В каждом
приличном доме
читают журнал

«Видео-Асс»

Телефоны
Частного
издательского
дома
«Видео-Асс»:

291-04-63,
128-66-14,
118-89-55,
118-89-47.

